

Марксистский дух еще не выветрился

По возвращении из-за границы в 1893-м семейная чета Классонов стала через некоторое время жить на Охте под Петербургом, когда Роберт поступил на штатную должность начальника мастерской в Эфирном отделении Охтинских казенных пороховых заводов с месячным окладом в 97 руб. 33½ коп. Он формально оставался в этой должности до своего увольнения в 1897-м, по существу же через несколько месяцев стал работать помощником электротехника, именуясь так в постановлениях, которые записывались в журнал хозяйственного комитета завода. А на должность электротехника годом ранее был назначен Владимир Николаевич Чиколев. Он еще с 1876 года, будучи специалистом Главного артиллерийского управления, электрифицировал и механизировал небезопасные пороховые производства на Охте.

«Заслуженный электротехник» (правда, окончивший гуманитарный Московский университет) Владимир Николаевич станет очередным учителем молодого Роберта, после В. Линдлея во Франкфурте. В 1879-м при участии В.Н. Чиколева был организован VI, электротехнический отдел при Императорском Русском техническом обществе (ИРТО), и Роберт станет его активным членом. А в 1880 году, после проведения в Петербурге первой Всероссийской электротехнической выставки, где VI отделу ИРТО удалось заработать неплохие деньги (1 200 руб.), было организовано издание журнала «Электричество», и В.Н. Чиколев стал его первым редактором. А Р.Э. Классон, окончив Технологический институт и поработав за границей, – опять же активным автором «Электричества».

Как вспоминал Николай Иванович Языков, познакомившийся с Робертом еще в 1889-м в Технологическом институте, работая вместе с ним в механических мастерских, поступил последний на Охтинские пороховые заводы, как ни странно, не электротехником, а химиком:

Россия в то время не имела и не могла иметь таких знающих электротехников, но, в силу обстоятельств, пришлось Роберту Эдуардовичу заняться химией, к которой он никакой склонности не имел. Большую часть времени суточного дежурства Р.Э. проводил в машинном отделении, и мы с ним проделывали массу опытов, к которым он был особенно склонен. Осмотревшись на заводе, Р.Э. решил, что здесь ему делать нечего, и если бы не случай, то Охтенские заводы больше не увидели бы Р.Э.

Как только, через два-три месяца, Р.Э. занял место главного электротехника на заводе, сразу же сказала богато одаренная натура Р.Э., способная разбудить, оживить и заинтересовать всех тем, чем он жил. Р.Э. прочитал несколько докладов в Общественном собрании при заводе, сопровождая их опытами с Рентгеном [(т.е. с рентгеновскими лучами)], токами Тесла высокой частоты и напряжения, и публика стала ломиться в Общественное собрание, которое из себя до сих пор представляло только место для выпивки офицерства. Нужно было видеть, каким орлом носился Р.Э. на своем велосипеде «Адлер», вечно спеша побывать везде, на громадной площади завода (здесь и далее воспоминания Н.И. Языкова цитируются по сборнику МОГЭС – «Памяти Р.Э. Классона», 1926 г.).*

* В.Н. Чиколев, по-видимому, решил перепоручить Р.Э. Классону свои обязанности электротехника на Охтенских пороховых заводах, продолжая служить в Главном артиллерийском управлении. Формально он уволился с предприятия лишь в 1895-м.

*Р.Э. Классон (четвертый слева в первом ряду)
на Охтинских пороховых заводах*

Существовало в Петербурге и акционерное «Общество электрического освещения 1886 г.», но почему-то Р.Э. Классон сразу туда не попал. Предположим, что Охтинские пороховые заводы предложили ему служебную квартиру здесь же, на Большой Охте, и он, будучи уже обременен семьей, согласился на этот, возможно временный, вариант.

Н.И. Языков так продолжал «линию охтинской жизни» Роберта Эдуардовича:

Как только Р.Э. осмотрелся на новом месте, он начал проводить свою заветную мечту: применить трехфазный ток для передачи энергии на расстояние и заменить громоздкую, неудобную и невыгодную канатную передачу электромоторами трехфазного тока. <...>В этом случае помогла Р.Э. его неукротимая воля и рвавшаяся наружу энергия. Он путем целого ряда докладов с цифрами в руках и с еще большим количеством их в голове, в конце концов, убедил всех в своей правоте, и вопрос пошел в верхи. Немало крови испортил Р.Э., доказывая и там все выгоды новой установки. Никто не верил, т.к. никто ничего подобного не видел. Пришлось проделать несколько опытов в маленьком масштабе, чтобы публика, если не головой, то руками, убедилась бы, что здесь не мистификация, а действительность. Наконец, и здесь убедить удалось, и Р.Э. получил разрешение заказать два генератора трехфазного тока, мощностью 300 и 400 л.с., напряжением 2 200 вольт.

А теперь об удивительной способности Р.Э. Классона взбаламучивать застойную среду мелкого и среднего чиновничества:

Видя всюду недоверие к его делу и мучаясь медленностью проведения в жизнь всех его начинаний, он, и после полученного разрешения, не давал покоя всем чиновникам в Артиллерийском ведомстве, опасаясь задержки благодаря их халатности. Я уверен, что немногие чиновники были спокойны при его появлении в Управлении.

Наконец он нашел для себя защитника в лице Начальника Управления генерала Альтфатера, который одним росчерком пера положил предел всем опасениям. Но известно, что жизнь делают не Альтфатеры, а мелкие сошки, сидящие за трехногим столом.

И вот, заручившись согласием Начальника Управления, Р.Э. начал выбивать пух из этих чиновников. Несмотря на его настойчивость, все-таки, дело заказа протаскалось около трех месяцев. Как-то приезжает Р.Э. сияющий, входит в контору, держа высоко шляпу над головой, и сообщает, что вчера он получил письмо из Швейцарии от Эрликона с подтверждением принятого заказа. Сколько Р.Э. послал еще писем Эрликону, не знаю, но нам было известно, что представитель Эрликона – Цейтшель неоднократно справлялся, не горит ли завод, что такая спешка.

Отметим здесь, что Михаил Георгиевич Альтфатер, лютеранского вероисповедования, окончил Михайловское артиллерийское училище, а затем Михайловскую артиллерийскую академию, и в 1889-м его произвели в генерал-майоры. А в 1892-м М.Г. Альтфатер был назначен помощником начальника Главного артиллерийского управления. Но главное здесь, что, по-видимому, два лютеранина поняли друг друга: именно в мирской, созидательной деятельности (в т.ч. и в электротехнике, как тогда именовалась электроэнергетика) человек должен искать пути спасения и служения Богу. Правда, Р.Э. Классон какое-то время «поклонялся» и «божку» Карлу Марксу.

И, наконец, апофеоз дела, описанный тем же Н.И. Языковым:

Настоящее торжество было впереди, когда начали подвозить машины. Вот тут-то Р.Э. совершенно не знал усталости. Мало того, что он целые дни проводил в турбинном доме, но даже после окончания службы, слетав на велосипеде домой на Охту (4 версты) пообедать, вновь прилетал на работу, издали подавая сигнал, что он едет. <...>Наступил день пуска, выбран был праздник, когда некоторые мастерские завода стояли. Что переживал в это время Р.Э., понять нетрудно: малейшая неудача грозила большими осложнениями на завтра, т.к. канатные передачи были сняты. Но к счастью Р.Э. и всех его единомышленников, все пошло хорошо и на другой день моторы заменили уже часть паровых машин. Р.Э. с четырех часов утра был уже на заводе, и мы с ним летали на велосипедах от одного мотора к другому, осматривая, ощупывая и обнюхивая их. Р.Э. радовался как ребенок, да и нельзя было не радоваться.

Встретившись на Охтинских пороховых заводах с Н.И. Языковым, своим знакомым по Технологическому, Роберт Эдуардович не расставался с ним до 1926-го, т.е. до самой своей смерти. Это стало большой удачей для нас: последний оставил весьма живописные воспоминания о своем талантливом сверстнике (родились они оба в 1868-м).

Поясним здесь, что в турбинном доме на р. Охте, давно были установлены водяные турбины системы Жирара и Жонваля, которые постепенно заменялись паровыми машинами, и Р.Э. Классон решил вдохнуть в эти турбины вторую жизнь. При строительстве Охтинских пороховых заводов в середине 1860-х идея передавать от них нагрузку по проволочным канатам была задумана и реализована известным ученым И.А. Вышнеградским.

«Самой замечательной работой Ивана Алексеевича в области практического машиностроения была постройка Охтенского порохового завода, для которого покойный устроил двигатель (три турбины Жонваля по 140 сил каждая) и проволочную передачу работы от двигателя к отдельным пороховым фабрикам, выстроенным на протяжении нескольких верст, в расстоянии 25 сажень одна от другой, и многие исполнительные механизмы. Эта работа выполнялась в половине шестидесятых годов», – напомнил В.Л. Кирпичев в статье «Иван Алексеевич Вышнеградский, как профессор и ученый» («Вестник общества технологов», 1895, №6).

По-видимому, затем при расширении производства одна из трех турбин Жонваля была заменена более мощной турбиной системы Жирара в 250 л.с. Как упоминал Р.Э. Классон в статье «Электрическая передача силы трехфазными токами на Охтенских пороховых заводах близ С.-Петербурга» («Электричество», 1897, №19), в 1893-м все фабрики, приводимые в движение турбинами, прекратили работу за ненадобностью, и нужно было подумать о другом применении водяной силы.

Роберт, участвовавший в испытаниях передачи энергии реки Неккар на расстояние в 170 км до Франкфурта, путем преобразования ее в электроэнергию на трехфазном токе высокого напряжения, естественно, представлял себе именно такой дальнейшую модернизацию энергоснабжения Охтинских заводов. Здесь новые цеха оказались удаленными от гидросиловой установки до 2-3 километров, и прежними проволочными канатами до них было дотянуться сложно. В 1895-м на основании предварительного проекта, составленного В.Н. Чиколевым и Р.Э. Классоном, Главная распорядительная комиссия по перевооружению армии разрешила устроить «электрическую передачу движения из турбинного дома в мастерские заводов».

Сметная стоимость работ составила 81 тыс. руб. Воздушную линию и механическое оборудование смонтировали хозяйственным способом, а поставки электрической техники и ее монтаж сдали с торгов. Все поставки оборудования для электростанции и силового хозяйства цехов выиграли фирмы «Эрликон» (генераторы, два динамо-мотора постоянного тока для зарядки аккумуляторной батареи, пара электродвигателей небольшой мощности и дуговые лампы для освещения машзала) и «Шуккерт» и «Сименс и Гальске» (электродвигатели, трансформаторы, распределительные щиты, выключатели, разрядники и прочее). Последняя фирма располагала самым большим электротехническим заводом в России. Такое распределение заказов позволило снизить стоимость всей установки и достичь наибольшего КПД по машинам.

Была выбрана система трехфазного тока с высоким напряжением в 2 000 и низким в 110 вольт. В проекте приняли отдельные силовую и световую сети, *«но, по желанию, обе сети могут питаться от одной турбины (и одного генератора), что в большинстве случаев и делается во избежание лишнего расхода воды»*. Кроме того, требовались повышенные меры предосторожности на электрических линиях.

Р.Э. Классон сразу высказал принципиальное, прогрессивное утверждение, что современная техника дает вполне надежные средства для того, чтобы в отношении токов высокого напряжения опасность была минимальной и не превосходила опасности от многих других технических приспособлений, как-то: канаты, ремни, подъемные машины. Что касается опасности низкого напряжения, то, добавим от себя, обыватель должен быть защищен от поражения им изолированными проводами, безопасными розетками и т.д. В частности последняя должна иметь такую конструкцию, чтобы любознательный ребенок не мог засунуть в нее проволоку или гвоздь.

Что же было сделано на Охтинских пороховых заводах с точки зрения безопасности? Вот, что касается безопасной эксплуатации ЛЭП напряжением 2 киловольты:

Воздушная линия высокого напряжения проходит по всему заводу и тянется на 2½ версты в одну сторону и на 2 версты в другую и третью. Ввиду опасности, которую представляет обрыв проволоки с высоким напряжением, были приняты все меры к тому, чтобы предотвратить разрыв или, по крайней мере, сделать его безопасным для прохожих. Проволока была употреблена кремнистой бронзы с сопротивлением на разрыв в 40-42 кг на мм². Проводимость такой проволоки, несмотря на ее высокие механические свойства, была около 98% проводимости чистой меди.

Провода были протянуты заранее осенью 1895 г. и простояли зиму перед тем, как по ним пустят ток. Случайные слабые места должны были обнаружиться во время морозов, когда линия подвергается наибольшему натяжению.

Всюду, где провода проходят над дорогами или вообще над местностью, где ходят люди, под проводами была повешена предохранительная сетка из стальной проволоки, соединенная через столб с землею. Так что провод, не удержавшийся почему-либо внутри сетки и соскользнувший с нее на землю, не представляет уже опасности, если он хотя бы в одной точке касается сетки, а это было обеспечено достаточной шириной сетки. <...>Столбы, несущие провода с высоким напряжением, имеют ярко-красный пояс на нижней части, красную верхушку и красный кронштейн для поддержания сетки, так что линия высокого напряжения не может быть случайно принята за линию низкого напряжения. Телефонные линии везде перекрещивались под прямым углом, и под ними протягивались дополнительные сетки, если они шли над проводами высокого напряжения.

Сейчас предохранительные сетки под проводами ЛЭП уже не подвешивают: это почему-то стало считаться излишней мерой предосторожности. Если провод все же оборвался, то при его касании поверхности грунта или дороги должна сработать защита от «короткого замыкания на землю». Правда, это происходит далеко не всегда... У взрослых должно хватить ума обойти упавший провод и тем самым не попасть под т.н. «шаговое напряжение», а как быть с теми же любознательными детьми? В советское время сей сюжет был отражен в художественном фильме «Опасно для жизни». В общем, оставляем за историками электротехники дополнительно исследовать актуальность этого важного вопроса.

А вот применение на электростанциях такой радикальной меры безопасности в отношении персонала как заземление корпусов оборудования в конце XIX века еще дискутировалось:

В С.-Петербурге на некоторых установках этот вопрос решен в одном, на других – в другом смысле. Например, на Охтенских пороховых заводах корпуса всех генераторов и трансформаторов надежно соединены с землею особыми проводами, а на одной станции в городе (тоже на 2 000 в напряжения), наоборот, трансформаторы ставятся на стеклянные подставки.

Я лично – убежденный сторонник соединения корпуса машин с землею и притом в силу следующих соображений. На станции надо, прежде всего, обезопасить от несчастных случайностей при уходе за машинами. При работе генераторов машинист часто пробует рукой, не греются ли подшипники. Не делать этого он не может. Если изоляция обмотки якоря вдруг в одном месте будет пробита, то корпус примет напряжение соответственного места провода, если он изолирован от земли, и больше не будет никаких явлений, которые могли бы указать машинисту, что произошла порча. Если пол машинного здания обыкновенный плитный, то при ощупывании подшипников рукой ток из корпуса устремится через руку и тело машиниста в землю, а это может иметь печальные последствия. При соединении корпуса с землею это произойти не может, т.к. провод, соединяющий корпус с землею, представляет гораздо меньше сопротивления, чем тело человека.

<...>Когда писались эти строки, в Elektrotechnische Zeitschrift от 29 июля 1897 г. появился проект правил, выработанных в Англии особой технической комиссией при Торговой Палате для установок с токами высокого напряжения. Первый параграф этих правил гласит: «Фундаментные болты и корпуса всех генераторов должны быть надежно соединены с землею».

Последние строки подтверждают, что Р.Э. Классон внимательно следил за иностранной научно-технической литературой. И главным для него было, чтобы техника применялась самая передовая; этого критерия он потом придерживался всю жизнь. «Водяную силу» он тоже приспособил на новом техническом уровне:

К сожалению, на Охтенском заводе нельзя было применить непосредственного соединения [динамо-машины с валом гидротурбины], преимущества которого перед ременными и канатными передачами бесспорно велики, ввиду того, что турбины уже имелись и по конструкции они были совершенно не приспособлены к непосредственному соединению с динамо-машинами и число оборотов так невелико (50 и 65 в минуту), что динамо-машины пришлось бы заказывать специальных тихоходных типов, которые, как известно, гораздо [массивнее и потому] дороже обыкновенных.

Молодой инженер воплотил изящное техническое решение:

Поэтому динамо-машины приводятся с помощью двойной передачи, сначала канатной от турбин к главному приводному валу, а затем от вала – ременной к динамо-машинам. Приводной вал, расположенный на стене турбинного дома, снабжен муфтами, с помощью которых каждая турбина может вращать не только свою часть приводного вала с соответствующей динамо-машиной, но и соседнюю, так что каждая турбина может вращать любую динамо-машину или даже обе вместе.

Было реализовано и не менее изящное техническое решение по регулированию нагрузки, а также механизирована вся эта процедура:

Соответственно нагрузке меняется и возбуждение, регулирование производится помощью ручного и автоматического реостатов на распределительном щите. Измерение работы генераторов производится ваттметрами, непосредственно показывающими число киловатт, отпускаемых во внешнюю цепь. Кроме того, на каждую цепь поставлены амперметры и вольтметры для суждения о равномерности нагрузки в отдельных фазах.

Как известно, для параллельного соединения машин переменного (и трехфазного) тока требуется не только равенство напряжений обеих машин, но, кроме того, одинаковое число перемен и совпадение фаз во времени. Для достижения этого на распределительном щите имеется особый «уравнитель фаз», на котором поставлены две лампы, питаемые током от обеих машин одновременно. При несовпадении фаз лампы горят ярко, т.к. у их зажимов имеется достаточно высокая разность потенциалов, равная при полном несовпадении фаз двойному напряжению (трансформированному) каждой динамо-машины. При совпадении фаз во времени разность потенциалов равна нулю, и лампы тухнут. Если число оборотов, или что то же [самое], число периодов не вполне одинаково у обеих машин, то лампы то загораются, то тухнут. Чем ближе подходят обороты к равенству, тем эти потухания становятся все более медленными и продолжительными, и при полном совпадении периодов лампы вовсе потухают.*

В этот момент включают выключатель, и машины соединены параллельно. Напряжение в машинах теперь общее, и каждая динамо отдает в общую сеть столько работы, сколько ей доставляет турбина. Увеличивая приток воды в одной турбине и уменьшая его в другой, мы постепенно перемещаем нагрузку на первую, и когда нагрузка второй дойдет до нуля, ее можно выключить. Параллельное соединение машин совершается очень легко и без всяких колебаний в напряжении минут в 5-7, так что переход от одной машины к другой, совершающийся обыкновенно два раза в день, происходит совершенно незаметно.

* Частота тока, по-современному.

Я уже упоминал, что турбины остались старые, поставленные в 1868 г., и потому к ним нельзя было предъявлять строгих требований относительно регулирования числа оборотов и высокого к.п.д. Поэтому я на них подробно останавливаться не буду, укажу только на те приспособления, которые пришлось сделать для поддержания нормального числа оборотов. Только большая [мощностью] 250 л.с. турбина [была] снабжена регулировкой числа действующих лопаток. Но она в конструктивном отношении оказалась неудовлетворительной, и вообще ход турбин можно было регулировать только поднятием и опусканием щитов, подводящих воду в турбины.

Далее описывалась механизация регулирования нагрузки турбин и погашения их избыточной мощности при внезапном сбросе этой нагрузки (чтобы они не пошли в опасный разгон). Но детали этого оригинального решения мы приводить уже не будем.

Вскользь заметим также, что молодой инженер описал в этой статье и явление запаздывания фаз, которое сильно понижало вольтаж, из-за так называемого безваттного тока. А последний появлялся при применении, для выпрямления трехфазного тока в постоянный (потребителями последнего являлись аккумуляторные батареи, дуговые лампы и вентиляторы), вращающихся трансформаторов (динамо-моторов) и недовозбуждении обмотки возбуждения этих своеобразных трансформаторов на стороне постоянного тока. В то же время, если осторожно перевозбудить эту обмотку, то безваттный ток производил уже опережение фаз и повышал вольтаж.

И Роберт Эдуардович сделал ценное замечание:

*При умении пользоваться этим своеобразным свойством синхроничных двигателей [(вращающихся трансформаторов)] можно часто значительно повысить производительность центральной станции и уменьшить вредное влияние на нее запаздывания фаз (см. мою статью в *Elektrotechnische Zeitschrift*, 1897, Heft 19).*

Этот сюжет – целенаправленное регулирование в системах трехфазного тока индукционной и емкостной ее составляющих и соответственно запаздывания или опережения вектора тока от вектора напряжения станет в дальнейшем весьма важным занятием для инженеров-энергетиков. В Приложении «Труды Р.Э. Классона» приводится как в оригинале, так и в переводе с немецкого упомянутая статья, где описывался целый ряд соответствующих экспериментов. По-видимому, Роберт Эдуардович стал первопроходцем в освоении этого актуального направления.

В 1896-м вышла занимательная книга В.Н. Чиколева «Не быль, но и не выдумка. Электрический рассказ». И в приложении к ней были опубликованы несколько тяжеловесные по стилю, в отличие от легкого изложения автора, два трактата молодого соавтора Роберта Классона.

Первый трактат именовался так – «Постоянные, переменные и трехфазные токи: их характерные свойства и область применения». В ней Р.Э. Классон педантично систематизировал недостатки и преимущества различных систем генерации, передачи, распределения и применения электричества. И прочил большое будущее трехфазным токам для генерации, передачи на большие расстояния и распределения больших мощностей:

Настоятельная потребность иметь систему передачи и распределения электрической энергии, соединяющую в себе преимущества постоянных и переменных токов, повела к выработке (почти одновременно несколькими изобретателями) многофазных токов, из которых техническое применение получили главным образом трехфазные токи, далеко, впрочем, еще не достигшие окончательных конструктивных форм.

*Трехфазные токи являются системой передачи силы *par excellence* [(в высшей степени)], при них можно достичь столь же высоких напряжений, как и при [однофазных] переменных токах. При одной и той же потере в проводах вес меди при них на 25% меньше чем при простых переменных токах.*

Двигатели трехфазного тока, при крайней простоте и прочности конструкции, сходны по работе с лучшими шунтовыми двигателями [постоянного тока], но при одинаковых размерах допускают больший перегруз, и скорость вращения их подвержена меньшим колебаниям.

Хорошо построенные двигатели трехфазного тока сравнительно больших сил дают высокий коэффициент полезного действия, трудно достижимый в несколько более сложных двигателях постоянного тока. Наоборот, если двигатели очень малосильны (менее двух [лошадиных] сил), преимущество в отдаче на стороне двигателей постоянного тока. Но это превосходство уменьшается по мере увеличения двигателя, и за известным пределом это соотношение меняется в пользу трехфазных токов. Отсутствие коллектора и щеток позволяет ставить эти двигатели где угодно, не опасаясь искрообразования.

Так же как простые переменные, трехфазные токи могут быть употреблены для освещения, но тут сказывается недостаток этой системы, пока еще не устраненный: для равномерности напряжения во всех трех ветвях и для получения высокого коэффициента полезного действия трансформаторов необходимо, чтобы нагрузка всех ветвей была приблизительно одинакова. Есть уже указания на то, что этот недостаток вскоре будет устранен, но пока с ним приходится считаться, и он служит препятствием к быстрому распространению трехфазных токов. Минувший 1894 год, впрочем, ознаменовался именно значительным развитием технических применений трехфазных и отчасти двухфазных токов, как в Европе, так и в Америке, которая и в этой области опережает нас.

Подводя итоги, Р.Э. Классон сделал философские обобщения, которые вполне актуальны даже сегодня:

Нельзя говорить, что тот или другой ток выгоднее или лучше остальных, и нельзя резко разграничить область их применения, а надо рассматривать каждый частный случай со всеми его конкретными условиями, взвешивать их относительное значение и на основании этого решать, какой ток и какая система распределения энергии в данном случае наивыгоднейшая. Техника, а тем более электротехника, не допускает готовых, раз навсегда установленных рецептов, которые быстро становятся оковами при ее непрерывном, поступательном движении или при перемещении ее центра тяжести. В частности в вопросе о сравнительных преимуществах тех или других токов задача электротехников состоит не в пользовании исключительно одним видом электрической энергии в ущерб другим, а в возможном слиянии преимуществ каждого из них помощью легкого и удобного способа превращения энергии из одного вида в другой.

Действительно, более чем за век после публикации этого трактата преобразовательная техника прогрессировала неимоверно (как и трехфазные системы генерации, передачи, распределения и потребления электричества). Например, весьма компактные силовые тиристоры на полупроводниках позволяют с малыми потерями энергии преобразовывать трехфазный ток в постоянный и наоборот.

И потому эта техника может применяться не только на силовых преобразовательных подстанциях (например, под Выборгом при экспорте электроэнергии из России в Финляндию), но и на трансформаторных подстанциях железных дорог, которые хотя и питаются трехфазным током, тем не менее, дают возможность электровозам полноценно использовать преимущества постоянного тока в своих тяговых двигателях. Благодаря тиристорам здесь же возможна и так называемая рекуперация энергии, когда при торможении электровоза с составом она возвращается в сеть. Инженеры-проектировщики получили возможность комбинировать постоянный и трехфазный токи, чтобы иметь «наивыгоднейшую систему распределения энергии».

Второй трактат, опубликованный в приложении к книге В.Н. Чиколева «Не быль, но и не выдумка. Электрический рассказ» и изложенный инженером-технологом Р.Э. Классоном, был озаглавлен так – «Интересный случай применения электрической навигации». В нем шла речь о том, что вот уже не один год на Охтинских пороховых заводах *«работает, в качестве буксира, небольшая электрическая лодка, приводимая в движение электродвигателем около двух лошадиных сил, питаемым током от 42 аккумуляторов»*.

Далее шло описание «Электрохода». В длину буксир был 30 футов, шириной посередине – 7 футов и 2 дюйма. Аккумуляторы производства El. Power Storage C° на электромеханическом заводе Павла Валя в Выборге были собраны в батареи и размещались в тиковых ящиках, выложенных свинцом. Заводская емкость батареи составляла 140 ампер-часов, но в 1896-м она стала несколько ниже из-за износа аккумуляторов. Вся батарея весила около сотни пудов. Заряжалась она обычно по ночам, когда «Электроход» находился на территории завода, от сети 110 вольт постоянного тока. Заряд доводил напряжение на клеммах батареи до 105 вольт, после чего она отключалась от сети.

В «Электроходе» могло разместиться 15-18 пассажиров. Но буксир этот был предназначен, в первую очередь, для транспортировки грузов, с максимальной скоростью 10 верст в час и при расходе тока 28 ампер и напряжении на клеммах аккумуляторной батареи 80-82 вольт. Средний ход составлял 8 верст в час, при токе в 22 ампера. Последний ход применялся наиболее часто для буксировки трех-четырех барок, а при сильном ветре – только двух (высокобортные барки представляли большое сопротивление при встречном ветре). Собственный вес каждой барки составлял около 570 пудов, а груз на ней мог достигать до 400 пудов. В 1894-м «Электроход» перевез 50 434 пуда груза на расстояние 5,3 версты (против слабого течения р. Охты), назад барки шли пустыми.

Далее автор трактата предпринял попытку технико-экономического расчета эксплуатации «Электрохода». При этом он исходил из следующих предпосылок. КПД аккумуляторной батареи был принят на уровне 50%, а цена угля на питание котлов паровой машины для электрообеспечения Охтинских пороховых заводов – 18 коп. за пуд*. Всего на заряд батареи было затрачено 12 072 ампера, а отдача составила соответственно 6 036 ампер. Исходя из этих данных, Р.Э. Классон получил расход угля на ампер-час – 0,27 килограмма. За сезон 1894 г. машинист «Электрохода» (вернее, смысленный рабочий) получил жалование в 272 рубля. Ремонт лодки стоил 140 руб. 70 коп. В итоге каждый пуд-верста (сейчас на транспорте считают на тонно-километры) обошлась в 0,168 коп.

Но эта цифра мало о чем говорила бы, если бы не было сделано сравнение с конной тягой. Ломовые извозчики тогда брали за перевозку 30-35 пудов в день в среднем 2 руб. 15 коп. Т.е. по 6-7 коп с пуда за перевозку по суше на расстояние 5 верст (этот маршрут был чуть короче речного). В итоге ломовые телеги обходились в 7-8 раз дороже услуг «Электрохода».

Правда здесь 27-летний инженер-технолог не учел весомого обстоятельства – на приобретение и оснащение «Электрохода» аккумуляторной батареей и электромотором Государственное артиллерийское управление выложило немалую сумму. И эти инвестиции необходимо было «отбить» в приемлемый срок – скажем за 8-12 лет. Поскольку Р.Э. Классон не привел стоимости «Электрохода», то поэтому мы не можем и судить об этом достоверно. По крайней мере, буксир на электрическом ходу ежегодно экономил казне 500-600 рублей.

* Отметим здесь, что «технико-экономический расчет» проводился до реанимации гидротурбин и системной электрификации Охтенских пороховых заводов. По-видимому, после реализации последнего проекта работа «Электрохода» стала еще выгоднее по сравнению с ломовыми телегами.

Однако цена «Электрохода» была упомянута в гл. «Электрический экипаж» основного текста книги «Не быть, но и не выдумка». В этой главе В.Н. Чиколев в живой форме диалога со своим французским знакомым, неким господином Г** рассказывал о преимуществах электромобиля перед «паровой трещоткой» и «бензинкой» (и тем более перед конной тягой):

Чиколев. А в городах не проще ли и не вернее ли обзавестись обыкновенным экипажем и лошадкой?

*Г**. А позвольте спросить Вас, почему же Вы сами в одном заводе истратили 4 000 руб. на электрическую лодку и уже четыре года употребляете ее летом для возки грузов водой, а не возите их более простым способом на телегах и лошадях, и лето и зиму? Отвечу за Вас: потому что, пользуясь электроходом, перевозка обходится Вам в несколько раз дешевле, совершается быстрее и работает электроход достаточно верно, не так ли?*

Чиколев. Должен сказать Вам, что перевозка обходится приблизительно в десять раз дешевле; насчет верности скажу, что четыре года не было ни одного случая остановки транспортов из-за электрохода; управляет ходом лодки простой чернорабочий.*

Исходя из приведенной стоимости «Электрохода» в 4 000 руб. и ежегодной экономии для казны 500-600 руб. по сравнению с применением конной тяги в то время, когда Охта и Нева были свободны ото льда, можно утверждать, что данная «электрическая технология» должна была окупиться за 7-8 лет. Вполне приличный показатель для серьезных проектов.

Кстати, «Электроход» был гораздо безопаснее парового катера, из трубы которого искры могли долетать до буксируемых барок, а они, оказывается, перевозили порох (о чем не было упомянуто в трактате, но оставил черновую запись И.Р. Классон)! По-видимому, маршруты перевозки пороха, производившегося на Охте, были маленькой государственной тайной. Ведь если бы террористы разузнали о них, то они могли бы напасть на «Электроход» и отбить взрывчатое вещество под свои антиправительственные цели!

В январе 1900-го в своем докладе на I Всероссийском электротехническом съезде – «Краткий исторический очерк электрического судодвижения» инженер Н.Н. Константинов упомянул и об «Электроходе», попутно выдав «государственную тайну»:

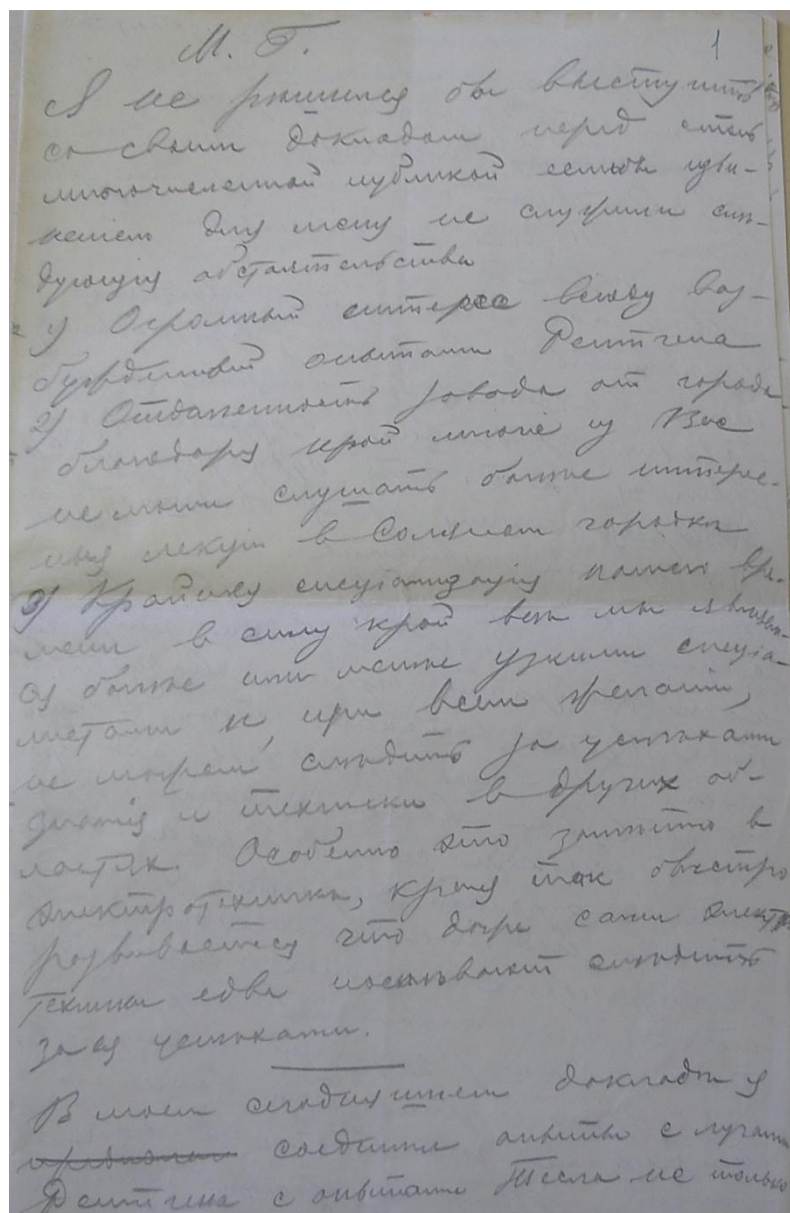
Обращаясь теперь к родине электрического судодвижения – России, мы находим, что здесь почти не занимались ими [(после постройки и испытания в 1839 году на Неве профессором Якоби шлюпки с электроприводом и питанием от элементов Даниэля)].

*Сколько мне известно, первая аккумуляторная лодка была построена в 1886 г. по почину В.Н. Чиколева на заводе Гаррут **. Вернее это был приспособленный для электрического движения небольшой деревянный катер, который успешно и безопасно перевозил огнестрельные припасы, главным образом порох, с Охтенского Порохового Завода в Склады, расположенные выше на реке Охте, верстах в четырех. Катер этот и поныне еще несет исправно свою службу, хотя в последнее время переделан почти заново.*

В 1896 году Р.Э. Классон сделал в Офицерском собрании при Охтинских пороховых заводах доклад – с демонстрацией опытов – о новых тогда лучах Рентгена (о чем упоминал Н.И. Языков). В нем он вышел далеко за рамки обозначенной темы и предсказал появление люминесцентных ламп.

* По-современному, перевозок.

** Известный кораблестроитель, академик А.Н. Крылов в своих воспоминаниях приводил слова корабельного инженера-самоучки Петра Акиндиновича Титова – о приятеле последнего Гаруте, который в 1881 г. на своем заводике склепывал металлические листы обшивки для малых подводных лодок системы Джевецкого, на 3 человека, с ножным приводом.

Первый лист доклада «Об лучах Рентгена»

Вначале докладчик так объяснил собравшимся свой «прыжок в сторону лучей Рентгена»:

Я не решился бы выступить со своим докладом перед многочисленной публикой, если бы извинением для меня не служили следующие обстоятельства:

1. Огромный интерес всюду, возбужденный опытами Рентгена.
2. Отдаленность [Охтинского] завода от города, благодаря которой многие из Вас не могли слушать более интересные лекции в Соляном городке (в Петербурге).
3. Крайняя специализация нашего времени, в силу которой все мы являемся более или менее узкими специалистами и, при всем желании, не можем следить за успехами знания и техники в других областях. Особенно это заметно в электротехнике, которая так быстро развивается, что даже сами электротехники едва успевают следить за ее успехами (ф. 9508 РГАЭ).

Соляной городок – это комплекс построек между набережной Фонтанки, Соляным переулком, улицами Пестеля и Гангутской, возведенных первоначально к 1870 году для Всероссийской промышленной выставки на территории, ранее занятой амбарами для соли и вина, и далее перестраивавшихся и расширявшихся для целей «научно-технической пропаганды». В нем, например, располагались Правление, Музей прикладных знаний и Большая аудитория Императорского Русского технического общества.

А в конце доклада Р.Э. Классон делал весьма интересные прогнозы о возможностях появления перспективных источников света:

Все наши источники света, начиная от свечи и керосина и кончая газом и электричеством, крайне не совершенны. Все они не столько светят, сколько греют. Во всех этих источниках в виде горючего материала расходуется известное количество энергии, которое может превращаться в длинные, тепловые лучи или в короткие, световые. При белом калении источник света испускает наибольшее количество световых лучей. А чем темнее степень каления, тем больше темных, тепловых лучей. Если мы определим для различных источников света отношение энергии, превращаемой в свет, ко всей энергии, заключенной в теле, то увидим, что в свет превращается:

<i>в свече</i>	<i>около 2%</i>
<i>в керосиновой лампе</i>	<i>около 3%</i>
<i>в газовой горелке</i>	<i>около 3%</i>
<i>в лампе накаливания</i>	<i>5-6%</i>
<i>в лампе с вольтовой дугой</i>	<i>18-19%.</i>

Таким образом, оказывается, что наиболее совершенный источник света нашего времени, лампа с вольтовой дугой, утилизирует менее 20% энергии, расходуемой в ней. По сравнению с этими источниками свет Гейсслеровой трубки является идеальным, т.к. в ней почти вся энергия, поглощаемая трубкой, превращается в световые лучи. В Гейсслеровой трубке длинные волны электрического разряда перерабатываются в короткие световые лучи. Самая короткая электрическая волна, полученная Герцем, была около 30 см, эти волны все еще в 600 000 раз длиннее световых.

Вопрос о рациональном освещении в будущем может быть решен тремя путями:

- 1. Достижением более высоких температур каления, при которых очень ярко раскаленные тела будут испускать гораздо больше световых лучей, чем нынешние источники света. Для этого надо найти тело, способное сопротивляться действию таких крайне высоких температур.*
- 2. Перерабатыванием длинных электрических волн в световые путем [применения] труб с разреженными газами в электростатическом поле.*
- 3. Непосредственным укорачиванием электрических волн до размера световых волн. В этом случае свет распространялся бы непосредственно от источника электрических колебаний.*

По современной терминологии Гейсслеровы трубки – это люминесцентные лампы. «Если мы пропустим электрический ток через трубку, наполненную разреженным газом, то в ней возбуждятся красивые световые явления, характер которых меняется в зависимости от степени разрежения газа. При упругостях газа в 0,001 атмосферы получаются т.н. Гейсслеровы трубки», – из того же доклада Р.Э. Классона.

Оставляем историкам – исследователям светотехники оценить, насколько прозорлив (или нет) был Р.Э. Классон более века назад. По крайней мере, не он один поднимал тему «Рациональное освещение в будущем».

Так, еще в 1891-м в журнале «Электричество» было опубликовано сообщение проф. Л. Никольса «Искусственное освещение будущего», в котором автор тоже критически отзывался о лампах накаливания: *«Если рассматривать лампу каления как механизм для производства света, то оказывается, что она дает такого же рода свет, как и первобытные образцы. <...>Правда, что отдача лампы каления постепенно перешла с 5 на 3 ватта на свечу; но те, кому приходилось исследовать прочность 3-х ваттовых ламп, к сожалению, заметили, что такое уменьшение затраты силы способствовало лишь к ухудшению качеств ламп, делая их недолговечными».*

И последняя характеристика Р.Э. Классона – инженера, относящаяся к Охтинскому периоду, со стороны того же Н.И. Языкова:

Неутомимость его была поразительна: он не знал отдыха не только на службе, но и дома. По вечерам он много работал по переводам английских артиллерийских журналов для Артиллерийского Управления, прирабатывая этим к своему [первоначальному,] не очень крупному жалованью (97 руб. 33½ коп.) добавочные средства<...>. Когда Р.Э. собрался уходить с завода в «Общество [электрического освещения] 1886 г.», то начальство очень его отговаривало, обещало прибавку жалования и производство в чин, причем указывало, что, не в пример прочим, он получит 150 руб. в месяц, вместо [нынешних] 137 руб. 33½ коп. А теперь проследим политическую канву «линии жизни» Роберта Эдуардовича. В ноябре 1893-го он вместе с Я.П. Коробком, как уже упоминалось в главах «Везение инженера Роберта Классона» и «Начало семейной жизни», допрашивался полковником Шмаковым из Отдельного корпуса жандармов. Допрос производился в рамках дела о рассылке из Петербурга прокламаций «15 апреля 1891 г.» по поводу демонстрации при похоронах писателя Н.В. Шелгунова.

В августе 1893 года был проведен обыск у технолога Льва Петровича Клобукова:

Отрицавший первоначально свою виновность Клобуков дал затем о своей преступной деятельности подробное показание, из коего видно, что находясь на третьем курсе Технологического института, в 1890/91 учебном году, он вступил членом в один из кружков «южно-русского землячества» и, будучи выбран «представителем», собирал на своей квартире товарищей, для чтений по вопросам этики.

Посещая в качестве члена-гостя другие кружки, Клобуков бывал на сходках у студентов<...>, причем перезнакомился с представителями и членами других кружков, между прочим с <...>оканчивавшим курс в Академии художеств Сергеем Серебровским, который пригласил однажды Клобукова к себе для чтения сочинения Туна «о революционном движении в России»^{}. На чтение это Клобуков отправился с товарищами своими Робертом Классоном и Яковом Коробко (здесь и ниже – из документов ф. 102 ГАРФ).*

Как следует далее из жандармского обзора, «все вышеназванные лица обысканы и привлечены к ответственности. <...>По обыску у Классона найдена переписка, свидетельствующая, что он, жена его Софья, урожденная Мотовилова, и Яков Коробко находились в сношениях с русскими эмигрантами в Швейцарии, Аксельродом, Плехановым, Засулич, Ашкинази и др. и что в ближайших сношениях с Классоном, Клобуковым и Коробко находилась жена кандидата С.-Петербургского Университета Ольга Витмер, урожденная Григорьева, участвовавшая так же на сходках для чтения книг по политической экономии».

^{*} В 1883-м в Цюрихе вышла книга немецкого писателя Альфонса Туна «История революционных движений в России».

Как уже упоминалось, Роберт за границей заезжал (без жены, но с Я.П. Коробком) к весьма колоритным представителям группы «Освобождение труда». И подробности этих контактов стали известны в 1925-м, когда были опубликованы материалы из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча (включая выдержки из протоколов допросов Р.Э. Классона и Я.П. Коробка), а также воспоминания Розы Марковны Плехановой, жены Георгия Валентиновича. Лев Григорьевич Дейч, один из основателей группы «Освобождение труда» и редактор сборников этой группы, в 1918-21 годах работал научным сотрудником Историко-революционного архива, по этой линии к нему, по-видимому, и попали бумаги из Департамента полиции Министерства внутренних дел Империи.

Итак, приведем выдержки из показаний Р.Э. Классона и Я.П. Коробка, но не в виде обрывистых и не всегда точных цитат из опубликованных в сборнике №3 материалов группы «Освобождение труда» (1925 год), а в оригинале.

Свидетельствует Р.Э. Классон (из протокола допроса в ноябре 1893 года):

Познакомился я с эмигрантом Аксельродом в г. Цюрихе при следующих обстоятельствах. В августе 1892 года я взял отпуск у инженера Линдлея, на службе у которого я находился в течение моего двухлетнего пребывания за границей, и поехал с женою в Швейцарию, в Лозанну, где жила со своими детьми родственница (жена брата) моей жены, Алина Антоновна Мотовилова. Жена моя ждала разрешения от бремени и приехала для родов в Лозанну. Прожив около трех недель с женою у ее родных, я поехал назад во Франкфурт. По дороге я осматривал фабрики и заводы Швейцарии и, между прочим, заехал на два дня в Цюрих, чтобы осмотреть электротехнический завод Эрликона, близ Цюриха, и завод Эшер и Висса.<...>

Я знал, что в Цюрихе живет эмигрант Аксельрод и что всякий почти русский, проезжая через Цюрих, заходит, чтобы на него посмотреть. Мне, конечно, захотелось увидеть и поговорить с человеком, о котором приходилось иногда слышать в разговорах студентов, тем более что я не видел ничего преступного в подобном посещении. Со мной был тогда товарищ мой Коробко, который по моему приглашению приехал во Франкфурт и вместе со мной путешествовал по Швейцарии. Аксельрод жил тогда на даче около Цюриха в Аффольтерне, куда мы и без того собирались заехать посмотреть красивую природу. Аксельрод жил, видно, в крайней бедности. Наше посещение его не удивило, так как к нему часто заезжают русские.

Он расспрашивал нас обо всем, что делается в России, но не остался доволен нашими ответами, так как мы говорили, что в России всякая нелегальная деятельность прекратилась и что о ней мечтают только студенты младших курсов. Теоретические разговоры наши, преимущественно на тему в каком направлении пойдет развитие России и Западной Европы, ни к чему не привели. Каждый остался при своем мнении, так как его революционная точка зрения существенно отличалась от нашей эволюционной, по которой роль личности ничтожна перед естественным прогрессом общества. Так как он произвел впечатление человека умного, то мы оживленно спорили, и разошлись, не убедив друг друга. Никаких практических разговоров у нас не могло быть, и он не мог с нами говорить, иначе как с любопытными туристами.*

Другая встреча произошла тогда же в окрестностях Женевы, куда я ездил к своей сестре (вышедшей замуж за доктора Кристиани при Женевском университете). В Морнэ, около Женевы, жили Вера Засулич и Плеханов, и на них ездят смотреть толпами, как русские, так и иностранцы. Это так близко (на конке) от Женевы, что мы тоже поехали смотреть.

* В упоминавшемся ранее жандармском обзоре упоминалось, тем не менее, что в 1892 г. к дознаниям было привлечено 619 «государственных преступников», в 1893-м – 568.

Впечатление получилось совершенно неожиданное, так как с именем Засулич соединялось понятие о молодой, экзальтированной девушке, а встретили очень некрасивую старуху, живущую в такой грязи и нищете, что ничего подобного мы не видали раньше. Там же жил и Плеханов. Тут разговор принял иронический характер, нас коробила обстановка, а Плеханову, видно, не понравились наши взгляды и то, что мы не знакомы были с его сочинениями, а потому просили высказать его программу. Разговор сошел на их действительно нищенское житье, и Плеханов заявил, что русская интеллигенция должна бы высылать деньги из России на их содержание. От нас лично он не просил денег и, конечно, не получил бы их даже в случае просьбы, потому что у нас деньги были в обрез на возвращение. Вообще, мы на вопрос о деньгах, как крайне щекотливый, больше отмалчивались.

<...>С Аксельродом я встретился еще один раз в Цюрихе, весною этого года, но видел его лишь мимолетно, так как очень спешил и был в Цюрихе лишь несколько часов на заводе Эрликон, по поручению Линдлея. На этот раз я был один, и благоприятное впечатление, произведенное на меня Аксельродом при первом посещении, рассеялось. Он, вероятно, увидел, что пользы ему от посещения моего не будет, и потому был наружно любезен, но уже не поднимал теоретических вопросов, а говорил о совершенно посторонних вещах, видимо только из приличия. Расстались мы холодно, и больше я о нем ничего не знал. Холодность свою он скрывал под видом любезности, познакомил меня со своей семьей, но говорил уже совершенно другое, чем при первом свидании. Так, я был удивлен, когда он стал доказывать, что теперь в России надо совершенно оставить прежние революционные замашки, а надо поднимать культуру народа и заботиться о его просвещении – словом, на этот раз он повторял все то, что мы говорили ему при первом свидании. Когда он говорил искренно, первый или второй раз, не знаю.

Все это я подробно описывал жене, которая была в Лозанне и никого из эмигрантов не видела. Во-первых, потому что совершенно не интересовалась ими (не имея кружкового прошлого и соответствующих воспоминаний), а во-вторых, потому что не могла сопровождать меня, будучи занята то родами, то уходом за ребенком и собственной болезнью. Писал же я ей об эмигрантах потому, что ей интересно было знать, как они мне понравятся, и еще потому, что я жене писал решительно обо всем, интересно или не интересно для нее, просто по привычке сообщать ей все.

Что касается до моей переписки с г. Ашкинази, то это редактор отчета по франкфуртской электротехнической выставке, инженер, богатый домовладелец, живущий во Франкфурте вероятно больше 20 лет, прусский подданный*. Вот все мое знакомство с эмигрантами.

Могу прибавить, что если бы у меня была хоть тень нелегальной деятельности и если бы я придавал малейшее значение моим посещениям, то наверняка я не привез бы с собою в Россию моей переписки с женою, которая представляет ведь самую биографию, так как от жены я уж конечно ничего не стал бы скрывать и писал совершенно откровенно.

* Действительно, в уже цитировавшихся публикациях журнала «Электричество» за 1891 г. (посвященных Электротехнической выставке) давалась такая информация по сему сюжету:

«На днях вышел также составленный г. А. Аскенази каталог выставки, весьма добросовестный и полный. Первая часть его (215 стр.) содержит короткое изложение истории выставки, список членов выставочного комитета и членов жюри. Затем следует собственно каталог (165 стр.), дающий раньше все экспонаты в алфавитном порядке (с описанием, где они находятся), затем в порядке их нумерации и, наконец, по отдельным павильонам. До сих пор включены 394 экспонирующие фирмы; многие из них представляют более 100 номеров; число это еще увеличится, когда 15 июня откроется технический отдел. В прибавлении к книге даны: описание мастерских, описание устройства освещения выставки, описание паровых машин, котлов и динамо и, наконец, план выставки».

Еще могу прибавить, что посещение Плеханова было раньше посещения Аксельрода.

Следом полковник Шмаков из Отдельного корпуса жандармов допросил и Я.П. Коробка (обвиняемого, в отличие от пока «свидетеля» Р.Э. Классона, уже в «государственном преступлении»!). Здесь мы приведем выдержки из стенограммы допроса только в части, касающейся его визитов вместе с Р.Э. Классоном к «видным эмигрантам» и перспектив ареста последнего по возвращении в Россию:

<...>Из Лозанны мы ездили в Женеву и оттуда в то место, где живут Плеханов и Вера Засулич. О пребывании этих двух эмигрантов около Женевы мы узнали, если не ошибаюсь, у Водена, который в это время так же был в Швейцарии.

Посещение эмигрантов мы предприняли с тою же готовностью, как и другие развлечения туристов, как любопытство ко всякой редкости, которую возможно увидеть только за границу. Приехав к Плеханову, мы с ним вели разговоры о темах, что он думает относительно прогресса России.

Я, не будучи знаком с его литературою, в разговоре с ним попадал несколько впросак, так что не думаю, чтобы впечатление, произведенное на него мною, было благоприятное. Кроме того, ввиду несогласия наших взглядов на вещи и ввиду того, что это несогласие было крайнее, я впал в критический тон. Этот тон ему не понравился. Особенно критически я отнесся на предложение Плеханова достать денег для издания нового журнала «Социал-демократ», который он нам показывал.

В разговоре с ним меня удивило то, что он обращается ко мне с вопросом о деньгах, но потом выяснилось, что с такими вопросами он обращается и к другим. Повторяю, что свидание с Плехановым и Верою Засулич носило только характер интереса к тому, как живут русские эмигранты за границей. Поэтому и разговор, исходивший из нашей инициативы, направлялся больше на расспросы о их жизненной обстановке.

Из Женевы мы вернулись обратно в Лозанну. Время ввиду его недостатка, так как Классон спешил обратно во Франкфурт, мы расположили так, чтобы на возвратном пути нам можно было посетить Фрибург, Цюрих, Люцерн и Шофгаузен. <...>Мы начали осмотр Цюриха самостоятельно, но так как к числу достопримечательностей относился и Аксельрод, то мы не преминули возможности посмотреть на него.

Зная, что Аксельрод содержит кумысное заведение, мы разыскали его, где нам сказали, что он живет не в Цюрихе, а в водолечебном заведении, на расстоянии часа езды от Цюриха. Мы поехали туда и, найдя его, рекомендовались так, что мы интересовались бы с ним познакомиться, ввиду его такой якобы известности. Приняты им мы были очень любезно, а главное он нисколько не был удивлен, что два русских приехали к нему познакомиться. Оказалось потом, что подобные визиты он получает довольно часто и со всяким свежим человеком не прочь потолковать.*

Разговор с Аксельродом был в том же духе, как и с Плехановым, хотя Аксельрод гораздо приветливее и потому от него приходилось больше выслушивать, чем сообщать. Хотя он нас расспрашивал о петербургской жизни, о студенчестве, о голоде, но ни о каких практических вопросах, касающихся какой бы то ни было деятельности в России, не говорили, подразумевая, конечно, здесь его деятельность нелегальную.

Что касается фразы из письма Классона [жене] о практических вопросах, то относительно ее я недоумеваю. Впрочем, насколько я припоминаю, вопроса о практических действиях мы касались, но тогда, когда разговаривали о передаче орудий труда в руки работников. О постепенном усилении германской социал-демократии мы действительно говорили и касались вопросов о практическом переходе средств производства в руки производителей.

* Кефирное. – Уточнение Л.Г. Дейча при публикации «Показаний «знатных путешественников»».

Может быть и то, что Классон под этой фразой понимает практическую деятельность русского интеллигентного человека, как устройство всякой школы, вроде воскресных, приходских, технических, устройств библиотек и прочее. Вообще, я не знаю, что под этим вопросом подразумевал Классон, но думаю, что тут ничего нелегального нет.

<...>Что касается письма жены Классона, в котором она пишет, что я и «О.К.», то есть Ольга Константиновна Григорьева, звали его в Россию для чего-то мифического и что по приезде в Россию с ним могут случиться какие-то неприятности, то на это точных объяснений я не могу дать, так как письмо писал не я и о существовании его даже не знаю. Приглашать в Россию Классона я действительно приглашал.

Может быть и «О.К.» тоже приглашала, мне это неизвестно. Но что касается боязни мифического несчастья, которое якобы постигнет Классона по приезде в Россию, то это я могу объяснить только тревогой любящего сердца. Зная своего мужа как человека увлекающегося, она вероятно кроме того была напугана в России тем, что очень многие попадают в нелегальной деятельности, и расстроила себя так, что в дружеском письме к близкому человеку высказала трогательно горькие слова о будущей судьбе своего супруга. Но все это мне представляется необыкновенно фантастичным, и серьезного значения я этому никакого не могу придать.

Через некоторое время полковник Шмаков повторно допросил и Р.Э. Классона (как уже обвиняемого в «государственном преступлении»!):

Я не признаю себя виновным в принадлежности к какому-либо тайному революционному сообществу. В Августе месяце прошлого года я получил отпуск от инженера Линдлея, у которого служил, и отправился с женою в Швейцарию, в Лозанну. Целью нашей поездки было желание посетить жену брата моей жены, Алину Мотовилову, проживавшую в Лозанне, причем моя жена должна была остаться у Мотовиловой для родов, я же должен был вернуться обратно во Франкфурт-на-Майне для службы. Из Лозанны мы с женою поехали в горы Ormonts, а оттуда возвратились в Лозанну.

Недели три спустя после прибытия в Швейцарию я поехал в Женеву навестить сестру Кристиани и пробыл в Женеве два дня. Надо заметить, что летом 1892 г. я писал товарищу своему Коробке, приглашая его приехать во Франкфурт для ознакомления с техникой заграничных заводов. Решив с женой отправиться в Швейцарию, я написал Коробке письмо, прося его приехать в Лозанну и посмотреть с нами Швейцарию. Коробко приехал в то время, когда мы были в горах, и вернулся с нами в Лозанну, а затем вместе со мною съездил и в Женеву.

На следующий день по прибытии в Женеву поехали в Морнэ посмотреть Плеханова и Засулич, живших там. О месте пребывания Засулич я узнал от Водена, бывшего студента С.-Петербургского университета, живущего то в Женеве, то в Лозанне и посещавшего Мотовилову. Цель посещения Плеханова и Засулич было исключительно любопытство. Плеханов нашему посещению не удивился, так как привык к посещениям. Пробыли мы у Плеханова часа три-четыре, причем кроме нас было там несколько русских студентов, в том числе один дрезденский студент. Из них я узнал фамилию лишь дрезденского студента – Лебедев.

Плеханов нас расспрашивал о положении революционной деятельности в России. Мы с Коробкой объяснили, что, насколько мы знаем, нелегальная деятельность прекратилась и высказали, что, по нашему мнению, она невозможна за отсутствием реальной почвы.

Из слов Плеханова мы могли заключить, что положение России ему совершенно неизвестно, и разговор касался и личной его жизни, и мы расспрашивали его о его взглядах на экономическое и политическое положение не только России, но и Европы, причем выяснилось, что и он очень не социалистически смотрит на экономическое развитие России. Посещение Плеханова и Засулич ограничилось одним вышеописанным случаем.

Из Женевы мы вернулись в Лозанну, где пробыли несколько дней, а затем поехали через Цюрих во Франкфурт. <...>Причина нашего посещения Цюриха была – осмотреть заводы Эрликона и Эшер-Висса, а у меня кроме того было поручение от председателя электротехнической выставки во Франкфурте к профессору Веберу.

Аксельрод, так же как и Плеханов, не удивился, а даже обрадовался нашему посещению, так как ему видно давно надоели цюрихские русские. И он рад был свежим людям, особенно Коробке, как недавно приехавшему из России. Вопросы он предлагал те же почти, что и Плеханов, то есть, как обстоит революционное дело в России.

Не верил, когда мы говорили, что таковой деятельности почти нет, и что она не имеет никаких видов на успех, так как у нее нет реальной почвы под собою, при неразвитости народа. Он не разделял наших взглядов, не придавая такой большой цены экономическому развитию страны. Разговор наш вращался как около чисто теоретических вопросов, так и более практических, именно о том, при каких условиях деятельность интеллигентного человека будет полезна стране.

Как видно из моего письма [жене] о втором посещении Аксельрода, мы не сошлись во мнениях, так как мы выставляли на первый план газеты, школы и вообще поднятие народного образования, а он – пропаганду. Это выяснилось только к концу разговора на другой день, а сначала он поддакивал, когда я говорил об открытии через несколько лет журнала или газеты, которые должны были разъяснить нашему обществу значение общественных явлений и освещать ход исторического развития с точки зрения экономического материализма. Об этом намерении я почти ни с кем не говорил, ввиду того, что это должно было произойти только через несколько лет после того, как я достаточно ознакомлюсь с историческими фактами.

Так как Коробко считал себя не способным к литературной деятельности, то я с ним об этом почти не говорил. Жена знала, что я об этом мечтал, но перед отъездом [из Лозанны] я с ней об этом не говорил, так как она всецело была поглощена предстоящими родами. Когда мы переписывались с Тепловым из Франкфурта*, он между прочим писал, что мы из [нашего] знакомства можем извлечь и практическую пользу, именно: можем помогать друг другу, меняясь книгами и собственными наблюдениями над европейскою жизнью. Так как я рассчитывал пробыть еще довольно долго за границей, а покупать книги можно лишь в ограниченном количестве, то я конечно согласился на это.

Не найдя в Цюрихе Теплова, я рассердился, так как мне досадно было, что он сам же убеждал меня в пользу нашей встречи, а потом уехал со своею невестою в горы, не дождавшись меня. Я тогда решил не входить с ним в близкое знакомство, а мыслью обмениваться книгами и собственными мыслями [от наблюдений за европейскою жизнью] – воспользоваться. Но избрав другого сотрудника, более развитого и образованного, судя по его возрасту, чем студент одних со мною лет. Таким сотрудником мне представился Аксельрод, я сказал об этом Коробке. Он не обратил тогда на мою мысль внимания, но сказал, что с Аксельродом это лучше устроить, чем с Плехановым, так как Аксельрод состоятельнее, имеет кое-какие книги и вообще «жид» практичный.

* Этот персонаж, студент цюрихского политехникума, ранее упоминался в показаниях Р.Э. Классона и Я.П. Коробка, а перлюстрированная полицией переписка П.Ф. Теплова (Цюрих) и его невесты Л.К. Агринской (С.-Петербург) приводилась в очерке «Везение инженера Роберта Классона».

Разговоры об этом предложении вести не пришлось, так как Аксельрод на второй день уже не поддакивал, а говорил о необходимости пропаганды, и мы не сошлись во взглядах. Мы все-таки разошлись довольно дружелюбно, так как он произвел впечатление человека умного и даже искреннего. На противоречие между его поддакиванием нам в первый день и выставлением своих собственных взглядов во второй день я тогда не обратил внимания, думая, что он просто из вежливости соглашался с нами.

<...>Во второй раз я виделся с Аксельродом весной этого года. Я опять был на заводе Эрликона по поручению Линдлея и потому остановился в Цюрихе на несколько часов. Я опять зашел к Аксельроду и видел перед тем Теплова<...> Между прочим он сообщил мне, что Аксельрод говорил ему, что у него, Аксельрода, есть какой-то интересный знакомый в России, с которым, по мнению Теплова, хорошо бы мне познакомиться и познакомить знакомую Теплова – Григорьеву.

Когда я сказал Аксельроду об этом, в конце разговора о культурной деятельности, затеянным им же, то он сначала сказал: «хорошо, хорошо», но тотчас же, как будто, спохватился и на мои расспросы – кто этот господин, где он и что он из себя представляет – ответил уклончиво, говоря: «вот познакомитесь, узнаете». Ни Теплов, ни я фамилии этого господина не знали, так как Аксельрод не говорил ее никому из нас. Не желая видно мне прямо отказать, он стал меня уверять, что адрес его где-то спрятан, а ключи от комнаты, где должна лежать его записная книжка, у жены. Впечатление получилось такое, что он и не хотел его находить, так как все время повторял: «да зачем Вам адрес, может быть, Вы где-нибудь случайно с ним встретитесь». Я ему указал на нелепость такого предположения, и он ничего не смог возразить. Кончилось тем, что он адреса не нашел, и я уехал, рассердившись на него за видимое недоверие ко мне.

В этих показаниях, кроме «экскурсии к Аксельроду и Плеханову с Засулич» главное то, что Р.Э. Классон и Я.П. Коробко ратовали за повышение образовательного уровня народа и эволюцию общественного устройства, а «освобожденцы» – за нелегальную пропаганду и революцию. Но с изданием легального журнала или газеты у Роберта Эдуардовича так ничего и не получилось. Кроме того, возьмем на себя смелость предположить, что «интересный знакомый Аксельрода в России» – это В.И. Ульянов-Ленин. И они встретились в Петербурге, в феврале 1894-го (см. ниже).

В том же ноябре 1893-го полковник Шмаков привлек к дознанию и жену Роберта (в качестве обвиняемой в «государственном преступлении»!):

Я не признаю себя виновной в принадлежности к какому бы то ни было преступному сообществу и никогда не находилась в сношениях с лицами, заведомо для меня занимающимися противозаконной или противоправительственной деятельностью. Я познакомилась с моим мужем приблизительно в 1887 или 1888 году, через моих знакомых однокурсниц, и ни о какой предосудительной деятельности моего мужа ни до моего замужества, ни после такового я до настоящего времени не имею никакого понятия. О сношениях мужа моего с русскими эмигрантами во время бытности нашей за границей я знаю лишь из его писем, соответственно ни с кем из эмигрантов не знакома и даже не видала их в лицо.

Жила я в Лозанне у жены моего покойного брата Алины Антоновны Мотовиловой, к которой приехала из Франкфурта перед тем, как у меня родилась дочь, чтобы иметь помощь во время родов. Помощи этой во Франкфурте у меня не могло быть, так как я там не имела никого знакомых. В Цюрихе я была только проездом и никого из русских эмигрантов там не видала. Знакомству моего мужа с эмигрантами я не придавала никакого преступного значения, иначе я наверно не только не привезла бы писем мужа, в которых говорится об этом знакомстве, но и вовсе не сохранила бы их.

В том же месяце полицейские из С.-Петербургского охранного отделения нагрянули на квартиру супругов Витмер, но *«ничего явно преступного не обнаружено»*.

Следом полковник Шмаков допросил подругу С.И. Мотовиловой-Классон – О.К. Григорьеву-Витмер (опять же в качестве обвиняемой в «государственном преступлении»!):

С Робертом Классоном и Яковом Коробкой я познакомилась через Льва Клобукова во время пикника, года четыре тому назад. С тех пор Классон и Коробко бывали в нашем семействе. Через год после нашего знакомства нам приходилось собираться друг у друга, для совместных чтений разных дозволенных цензурой книг по политической экономии и истории первобытной культуры. На этих чтениях присутствовали: я, Классон, Коробко и Крупская Надежда Константиновна, подруга моя по гимназии.

<...>Перед отъездом [за границу, после случившегося у нее обыска в начале 1892 г. и ее исключения из Высших женских курсов] Агринская спрашивала, нет ли у меня знакомых русских за границей. Я ей назвала Классона и сообщила его адрес. При этом в разговоре с Агринской я характеризовала Классона как человека образованного и передового образа мыслей, интересующегося теорией экономического материализма.

Ольга Константиновна Григорьева-Витмер

<...>О посещении своем Плеханова и Веры Засулич Классон, а также и Коробко мне ничего не говорили. Во время проживания Классона во Франкфурте я состояла с ним в переписке как с знакомым. При этом я иногда советовала ему возвратиться в Россию и делала это лишь из желания видеться с ним. Никакого дела ни с Классоном, ни с Коробко я не собиралась вести.

В своих письмах Классон высказывал намерение заниматься научной литературой и поместить какую-то статью в одном из ежемесячных журналов, издающихся в России. Я в своих письмах поощряла стремления Классона в этом направлении.<...>

В том же ноябре 1893-го Департамент полиции получил письмо от шефа Жандармского управления:

<...>у Инженеров-технологов Роберта Классон и Якова Коробки 5 сего Ноября были произведены обыски, причем в препровожденной С.Петербургским охранным Отделением переписке упомянутых лиц ничего, имеющего значения для дознания не обнаружено, вследствие чего Классон и Коробко 5 и 6 Ноября были допрошены по делу в качестве свидетелей.

Между тем 9 сего Ноября Департамент Полиции препроводил мне несколько писем, отобранных по обыску у Классон, из которых усматривается, что как последний, так и Яков Коробко находились в сношениях с русскими эмигрантами в Швейцарии.

Для выяснения характера этих сношений Классон вновь был допрошен 12 сего Ноября в качестве свидетеля. Но ввиду того, что он не дал вполне ясных и категорических объяснений по поводу тех «практических вопросов», которые он предполагал «уладить» с Аксельродом, о чем говорится в письме Классона к его жене от 19 Апреля 1892 г., супруга Классона и Яков Коробко привлечены к дознанию в качестве обвиняемых и для пресечения им [(Классоном)] способов уклоняться от следствия и суда впредь до решения дела отданы под особый надзор полиции<...>.

Поэтому полковнику Шмакову пришлось повторно допросить Р.Э. Классона в январе 1894 г., добываясь от него «адресов, паролей, явок» по приведенным в письмах, отобранных при обыске 5 ноября 1893 г., «шифровкам подозрительных персонажей». Частично его показания мы уже приводили, в отношении «малого ребенка Водена», в очерке «Везение инженера Роберта Классона».

Из протокола допроса:

<...>Письмо от 19-го Сентября 1892 г. писано мною из Цюриха моей жене. Упоминаемый мною пессимистический взгляд Аксельрода, совпадающий с моим, есть мнение, что в России, по историческим условиям, прекратилось всякое революционное движение и что ждать его невозможно. Под «теоретическими вопросами» я разумел политико-экономические условия развития как западно-европейских государств, так и России. Под «практическими вопросами» я понимал обмен книг, путем пересылки их по почте, а также сношения письмами по вышеуказанным мною теоретическим вопросам.

<...>По прибытии в Петербург, до поступления в пороховой завод, я усиленно посещал своих прежних знакомых как для того, чтобы увидеться с ними, так и для того, чтобы уяснить себе господствовавшее направление в обществе и литературе. Под выражением в письме от 3/15 Июня 1893 г. из Петербурга [жене] «подготовительный период» я разумел фазис мирного развития, без резких изменений общественного организма.

<...>По отъезде моем за границу Коробко и Григорьева писали мне письма, в которых просили возвратиться, говоря, что мое присутствие [в России] будет им полезно в смысле выработки идеала общественной деятельности путем совместных занятий. Становиться на путь нелегальной деятельности мы не предполагали, и вопрос этот был решен в отрицательном смысле еще во время моего пребывания в России.

Узнав во Франкфурте, из письма Коробка или Григорьевой, об аресте по политическому делу моего товарища Бруснева, я передал об этом жене, которая в свою очередь сообщила в письме Мотовиловой, жившей тогда в Швейцарии, так как я был с Брусневым в хороших отношениях.

Мотовилова о всем этом рассказала Водену, который имея привычку все преувеличивать, стал утверждать, что после ареста Бруснева и мне нельзя вернуться в Россию, потому что и меня арестуют за такое знакомство. Тогда как я должен сказать, что мне до сих пор ничего не известно о нелегальной деятельности Бруснева. Вот об этом-то именно обстоятельстве и говорится в письме Мотовиловой к моей жене от 31 Июля 1892 г.

<...>Письмо от 19/29 Сентября относится к 1892 г. Жена моя советовала Водену подарить Вере Засулич ложку или чайник ради шутки, ввиду того, что у Засулич была одна ложка на всех, а вместо чайника употреблялась какая-то жестянка.<...>

<...>В заключение моего показания заявляю, что мои посещения Плеханова, Засулич и Аксельрода обуславливались исключительно одним любопытством и что я как теперь, так и тогда был совершенно чужд всякой нелегальной революционной деятельности.

В ф. 102 ГАРФ хранится четвертушка бумаги с заголовком «Переписка, отобранная у инженер-технолога Роберта-Артура Эдуардова Классона» и такими пометами «2/XII 93, смотри стр. 97 сего дела», «18 VI 1920 Конверт без содержания». По-видимому, после закрытия дела Р.Э. Классон добился возврата ему этих бумаг. А затем он, скорее всего, письма уничтожил – чтобы больше полицейские не могли их перелистывать и вчитываться в семейные истории.

В сборнике №3 группы «Освобождение труда» приводились весьма субъективные воспоминания жены Г.В. Плеханова, Розы Марковны – «Наши встречи со «знатными путешественниками»»:

Господин Классон, предприимчивый, способный, пользовавшийся влиянием в радикальных кругах молодежи человек, явился в Морнэ к Плеханову и Засулич в начале мая 1892 г. Он был снабжен рекомендациями от А.Н. Потресова и П.Б. Струве. Своей внешностью и интеллигентным лицом он произвел выгодное впечатление на морнэйских изгнанников. Его свободная, слегка светская манера держать себя понравилась Вере Ивановне и Георгию Валентиновичу. Всеми нами ему оказан был очень радушный прием. Между основоположниками марксизма в России и молодым их последователем сразу завязался простой, откровенный, полный глубокого интереса разговор.

<...>В Морнэ Классон рассказывал об успехе марксистских идей среди русской интеллигенции и рабочих, говорил о выдвинутых проповедью марксизма борющихся силах. Г.В. и В.И. с интересом слушали, расспрашивали его и в свою очередь высказывали собственные взгляды на задачи социал-демократической партии в России. Помню, как В.И. с не перестававшей дымиться папироской, с блестящими от радости глазами, слушая его сообщения, отпускала меткие характеристики людей и положений. Она, можно сказать, искрилась. <...>В свою очередь Г.В. отдавался своей натуре: он блистал знаниями, остроумием и свойственной ему ясностью мысли. Это настроение проявлялось у него далеко не при всяком посетителе.

Классон, видимо, был тронут, восхищен этими людьми и оказанным ими ему приемом. Его восторженным отзывам о них не было границ: «Наш Олимп», «морнэйские философы», «наши учителя». Помню, на совет ему Г.В. быть осторожными во время приездов в Морнэ, так как за ними – за Г.В. и В.И. – следит французская полиция, поддерживающая более чем дружественные отношения с русской охранкой, Классон заявил: «Кто же не посещает морнэйских философов?»

Их так же посещают все русские, бывающие за границей, как в свое время вся Европа добивалась свидания с Вольтером – фернэйским философом. Для этого нет надобности быть к ним политически близким». Словом, Классон имел вид человека, совершенно равнодушного к проискам царской полиции.

<...>Классон вскоре вторично приехал в Морнэ и был свидетелем большой радости Г.В., В.И. и всей нашей семьи. Помню, это было 3 мая 1892 года. По просьбе швейцарской социалистической партии, Г.В. обратился к Гэду с приглашением приехать в Женеву на празднование первого мая и произнести речь перед местными рабочими. Задержанный в Париже 1 мая Гэд не мог поспеть к этому дню, но приехал третьего. Плеханов, встретив его утром на вокзале, привез в Морнэ, где он с нами провел весь день. Семья наша была в полном сборе. Приехали также наши друзья: Х.Г. Раковский с женой Рябовой, А.Н. Потресов; был также и Классон.*

<...>Вечером мы всей компанией отправились пешком к подножию малого Салева, чтобы взять трамвай до ближайшего городка Анемасса, а оттуда в Женеву в вагоне, который мы заняли почти целиком. В пути продолжался шумный говор, остроты, шутки; Плеханов и Гэд были молоды, интересны.

*Наши молодые друзья были в восторге**. Они с Плехановым проводили Гэда в Palais Electoral, где перед многочисленной аудиторией, состоявшей из рабочих, интеллигенции и пасторов города Женевы, он произнес одну из наиболее замечательных своих речей: Гэд говорил, между прочим, о страданиях детей пролетариев.*

Здесь стоит затронуть такую зыбкую тему, как резкая реакция «освободителей» на показания Р.Э. Классона и Я.П. Коробко в жандармском управлении. Р.М. Плеханова комментировала их весьма пристрастно:

И Классон был слушателем Гэда, был свидетелем глубоких переживаний Веры Ивановны, Плеханова и других. Но это, очевидно, не тронуло его души. Будь это иначе, он, вернувшись на несчастную свою родину, не забыл бы того дня и, в особенности, вечера и не унился бы до клеветы и лжи, даже перед жандармами. Излишне, полагаю, прибавлять, что Г.В. никогда не говорил с этим господином, как он не говорил ни с кем, кроме очень близких людей, – а таких у него было немного, – о своих материальных нуждах.

Что касается П. Аксельрода, которого другой «знатный путешественник», господин Коробко, выставил перед жандармами как «практичного жида», то лицам, не знающим Павла Борисовича, советую вспомнить прекрасный рассказ талантливой польской писательницы Элизы Оржешко «Могучий Самсон». К этому чудному типу еврея-идеалиста, целиком поглощенного духовными интересами, для которого материальные блага имеют ничтожную ценность по сравнению с духовными, принадлежит и Павел Борисович: он так же похож на «практичного жида», как и герой рассказа «Могучий Самсон».

Еще острее реагировал упоминавшийся выше Л.Г. Дейч. Например, к «Показаниям «знатных путешественников»» он предпослал такое редакционное примечание: «Из нижеследующего читатели увидят, как возмутительно вели себя на допросах некоторые представители молодых социал-демократов начала [18]90-х гг., приезжавшие за границу для завязывания сношений с группой «Освобождение Труда». Студент Классон в свое время играл некоторую роль среди петербургских социал-демократов; Я.П. Коробко, так же ездивший вместе с ним за границу, был мало известен».

И дал такое предисловие (с уже выходящей за рамки приличия характеристикой наших персонажей) к протоколу допроса революционера Н.И. Кулябко-Корецкого от 22 ноября 1895 г.:

* Базиль Гэд (1845-1922), один из основателей Французской рабочей партии, марксист-догматик.

** Как мы уже отмечали, Р.Э. Классона сопровождал Я.П. Коробко.

“Полагаем, небезынтересно привести документ, извлеченный из бывшего архива Департамента государственной полиции, касающийся знакомства Николая Ивановича Кулябко-Корецкого с членами группы «Освобождение Труда»: из него очевидно, что он не побоялся перед жандармами признать свое знакомство с эмигрантами и не наделил их разными неблагоприятными качествами, как это из трусости сделали, например, «знатные вояжеры» – Классон и Коробко”.

А в некрологе, посвященном Н.И. Кулябко-Корецкому (умер 21 ноября 1924 г.), Л.Г. Дейч опускается уже до грубой брани (что, впрочем, было характерно для большинства «товарищей»):

Даже, как мы знаем, поплатившись за свое пожертвование [в 1 тыс. руб.] долгим тюремным заключением, особенно тяжелым для него как лишенного зрения, а затем продолжительной ссылкой, честный, благородный Николай Иванович нисколько не проникся злобой к виновнице этого – к Вере Ивановне Засулич и не уподобился «прекрасным» молодым последователям, вроде Классона и Коробка, которые не только откровенничались перед жандармами от какой-либо солидарности со своими «великими учителями», но по их адресу еще отпускали разные гнусные словечки.

На подобные обвинения вполне достойно ответила С.Н. Мотовилова в своем письме И.Р. Классону:

До чего глупы и бестактны ее [(Р.М. Плехановой)] статьи! Ведь ясно же, что вовсе не как турист, «знатный иностранец» приехал Классон к Плеханову, а как человек, прекрасно знающий марксизм и все труды Плеханова. В те годы Струве и Классон считались лучшими марксистами в России.

Возможно потому, что и тот, и другой хорошо знали немецкий язык и могли в оригинале знакомиться с трудами Маркса и Энгельса. Приехал, чтоб обсудить некоторые теоретические вопросы марксизма и с рекомендацией таких знатоков марксизма как Струве и Потресов.

Потресов был большим другом Ленина, они вели очень большую переписку, когда оба отбывали ссылку. Странно, что Плеханова не упрекнула Классона за то, что он не сообщил жандармам еще фамилий Струве и Потресова, уж если правду говорить, говори всю! Вообще, разве можно ставить в упрек, то, что человек говорит жандармам?!

<...>Вообще, зачем подрезать себе крылья, когда можно обдурить жандармов, что пошел «посмотреть» на Плеханова: так, как ходят смотреть на Эйфелеву башню – диковинку. Не раз в дальнейшем Классон оказывал услуги партии во время своей службы в Баку. Эх, надо бы подобрать письма Ленина ему.

Но знаете, чем меня позабавила Плеханова. Классон, по ее мнению, понравился Плеханову и Засулич «своей свободной, слегка светской манерой держать себя». Такую глупость могла сказать только такая мещанственная особа как Роза Марковна. Ведь ясно же – понравился он им своим глубоким пониманием вопросов марксизма, своей фантастической образованностью. Ну, еще Плехановой так сяк могла понравиться «слегка светская манера» Классона, но Засулич! Особе с юбкой, надетой задом наперед (как ее описывает Плеханова), человеку не от мира сего, и вот будто бы чем-то он ее пленил, «светской манерой держать себя»! На самом деле, они рады были видеть человека, так хорошо знающего учение, которому они были преданы всю свою жизнь, так хорошо понимающего их.

Но самое курьезное (я ведь не знаю, каким был Классон последние годы, когда он обитал в высшем буржуазном обществе), на меня он произвел такое же впечатление как Базаров, а Базарова я терпеть не могла, и меня Классон коробил. Даже врач-акушер ему заметил, что его выражения слишком «Studentenschaft» [(«из студенческой среды»)]. Мама, смеясь, говорила, что таким же Классон остался до старости.

Видите ли, общества, в котором я жила, и – Роза Марковна, были, вероятно, совершенно различны, я не знаю, из какого она сама [еврейского] местечка.

Но очевидно было что-то в Классоне, что возбуждало в его собеседниках, часто совершенно различных, чувство бодрости, радости. Я описывала Вам, как он увлек [гувернантку в семье Брюсовых] Павловскую, и она могла только повторять «чудный Классон», как оживлялась и делалась кокетлива при нем Надежда Кронидовна Мотовилова, как оживлялась при нем мамина институтская подруга Катя Каптонщикова, жена купца-миллионера. Люди самых разных кругов, слоев общества, характеров, как-то зажигались в присутствии Классона (только не я). Для меня он был «социал-демократ», а социал-демократов [теоретиков] я не терпела.

<...>Но вот, как оживилась Засулич в присутствии Классона, Плеханова прекрасно описывает. <...>А вот как реагировал на Классона Плеханов: «Георгий Валентинович отдавался своей натуре: он блистал знаниями, остроумием и свойственной ему ясностью мысли. Это настроение проявлялось у него далеко не при всяком посетителе». Ведь это же понятно: Классон был настоящим ценителем, который все поймет и оценит (ф. 9508 РГАЭ).

Чем же закончилось для увлекшихся марксизмом и «революционерами» дело по грозному обвинению их в «государственном преступлении»? Приведем по этому случаю полицейскую «Ведомость», составленную в октябре 1894-го:

Фамилия, имя и звание	[Прежняя] мера пресечения	Предлож. Прокур. Палаты
Клобуков Лев Петров, дворянин, Технолог, 28 лет	Под особый надзор полиции (содержался под стражей с 19 Августа по 18 Ноября 1893 г.)	Тюрьма на 6 месяцев и негласный надзор на срок по усмотрению МВД
Серебровский Сергей Митрофанов, дворянин, классный художник, 30 лет	Обязан подпиской о неотлучке из места жительства	Арест при тюрьме на 2 недели
Классон Роберт Эдуардов, инженер-технолог, 26 лет	Под особым надзором полиции	Прекратить с учреждением негласного надзора полиции по распоряжению МВД
Классон Софья Иванова, дворянка, жена инженер-технолога, 30 лет	Под особым надзором полиции	Прекратить
Коробко Яков Петров, дворянин, технолог, 30 лет	Под особым надзором полиции	Прекратить с учреждением негласного надзора полиции по распоряжению МВД
Витмер Ольга Константинова (урожд. Григорьева) дочь чиновника, жена кандидата университета, 26 лет	Под особым надзором полиции	Прекратить

В документе за март 1895 года была изложена следующая диспозиция по Р.Э. Классону и его товарищу:

Произведенное при С.Петербургском Губернском Жандармском Управлении дознание по обвинению Инженер-технолога Роберта Эдуардова Классона и технолога дворянина Якова Петрова Коробко в государственном преступлении, по соглашению Господ Министров Внутренних Дел и Юстиции, дальнейшим производством прекращено с учреждением за ними негласного надзора полиции по распоряжению Министерства Внутренних Дел.

Прийти к такому итогу власти подвигла, по-видимому, и такая справка Особого отдела Департамента полиции:

Не отрицая своего знакомства с эмигрантами Плехановым, Верой Засулич и Аксельродом, Классон показал, что встреча его с названными лицами произошла во время путешествия его в Швейцарии, носила случайный характер и не обуславливалась никакими противоправительственными побуждениями. <...>Расследованием не было добыто, однако, данных, указывающих на то, чтобы сношения Классона с Плехановым, Засулич и Аксельродом обуславливались целями противоправительственной пропаганды, что посещение им эмигрантов было вызвано любопытством – являются не опровергнутыми, ввиду отсутствия указаний на активное участие Классона в деле преступной пропаганды.

Однако в 1894-95 годах Р.Э. Классон входил в группу так называемых легальных литераторов-марксистов, совместно с которой кружок революционных марксистов во главе с В.И. Ульяновым-Лениным издал ряд книг. Здесь были: Бельтов (псевдоним Г.В. Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»; сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», конфискованный цензурой (включая статью П.Б. Струве, критику В.И. Ульяновым-Лениным труда П.Б. Струве, переведенную Р.Э. Классоном с немецкого рецензию Эдуарда Бернштейна «Третий том «Капитала» [Карла Маркса]»).

В уже упоминавшемся анкетном листе (был заполнен в 1925-м) Роберт Эдуардович отмечал:

Когда я вернулся [из-за границы], то большинство моих товарищей по кружкам оказалось в тюрьмах или высланными. Участие в кружках прекратилось поэтому на некоторое время и возобновилось лишь в 1894-95 г., когда в наших кружках стали принимать активное участие В.И. Ульянов, Н.К. Крупская, А.Н. Потресов. У меня в то время, в моей маленькой квартире образовался марксистский «салон», в котором принимали участие вышеупомянутые лица и где обсуждались все вопросы современности с точки зрения материалистического мировоззрения.

Этот «салон» существовал около года и затем был прекращен благодаря аресту значительной части участников, главным образом В.И. Ульянова. Все мои политические связи с того времени были порваны, и я занялся технической работой на Охтенских пороховых заводах, где построил первую в России передачу высокого напряжения от водяной силы р. Охты.

Ни к какой партии я впоследствии [(после 1895 г.)] не примкнул и занимался почти исключительно техникой вплоть до революции 1904-05 г., которая меня увлекла, так же как и моих сотрудников, но после 1906 г., в силу стечения целого ряда неблагоприятных впечатлений, я перестал интересоваться политической работой и с тех пор совершенно политикой не занимаюсь и потому ни в каких общественных организациях, профсоюзах, клубах и кооперативах не участвовал.

Во время студенчества неоднократно подвергался всякого рода арестам, хотя и кратковременным, долгое время находился под надзором полиции, который постепенно, по-видимому, ослабел, когда я перестал активно интересоваться политической жизнью. Участие мое в политике проявлялось лишь в том, что я, как директор крупнейших электрических предприятий, имел возможность давать приют целому ряду гонимых политических деятелей, что и проявилось, в конце концов, в том, что очень значительная часть современных деятелей вышла из О-ва 1886 г., Электропередачи и двух Бакинских станций. Все они дали значительный контингент революционных деятелей, так как я считал своей обязанностью каждому гонимому по мере сил давать приют и возможность работать.

Встречи революционных марксистов с легальными начались с первого посещения В.И. Ульяновым-Лениным квартиры Р.Э. Классона на Охте в конце февраля 1894-го. Об этом Н.К. Крупская рассказывала довольно живописно:

Увидала я Владимира Ильича лишь на масленице . На Охте у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я года два перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином. Для ради конспирации были устроены блины. На этом свидании, кроме В.И., были Классон, Коробко, Серебровский, Ст. Ив. Радченко и другие, должны были прийти Потресов и Струве, но, кажется, не пришли.*

Мне запомнился один момент. Речь шла о путях, какими надо идти. Общего языка как-то не находилось. Кто-то сказал – кажется, Шевлягин – «что очень важна вот работа в комитете грамотности». В.И. засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех – я потом никогда не слыхала у него такого смеха: «ну, что ж, кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем».

Я сидела в соседней комнате с Коробко и слушала разговор через открытую дверь. Подошел Классон и взволнованный, пощипывая бороду, сказал: «Ведь это чорт знает, что он говорит». «Что же, – ответил Коробко, – он прав, какие мы революционеры?» (Воспоминания. М., 1925).

Еще более живописную деталь привела С.Н. Мотовилова: «одно время Софья Ивановна оказалась в больнице, а на хозяйстве ее заменяла [сестра] Мария Ивановна. Неизвестно почему, но Мария Ивановна спрятала все серебро, а когда к Классону приходили гости, подавала им деревянные ложки, и Роберту Эдуардовичу это было очень неприятно».

Заметим от себя: и правильно поступала Мария Ивановна, мало ли какие революционеры забредали в квартиру, могли и серебряную сервировку случайно прибрать.

* В.И. Ульянов-Ленин приехал в Петербург в конце лета 1893-го.

*Вот в такую компанию подпольщиков чуть было не попал
Р.Э. Классон из-за увлечения марксизмом
(Александр Моравов. В.И. Ленин руководит
марксистским кружком в Петербурге. 1893-1895)*

В 1925-м альманах «Красная летопись» опубликовал письмо Р.Э. Классона в Институт Ленина при ЦК РКП (б), написанное им, по-видимому, по запросу сотрудников последнего учреждения. Их интересовал период революционной деятельности В.И. Ульянова-Ленина в Петербурге в 1894-1895 годах. В этом письме Роберт Эдуардович попутно описал и свой «марксистский маршрут»:

Предпосылаю несколько слов для пояснения, каким образом образовался тот марксистский «салон», в котором бывал Владимир Ильич Ульянов в 1894-1895 гг. За три-четыре года до этого при технологическом институте в Петербурге образовался первый, насколько мне известно было, марксистский кружок, в котором, кроме меня и архитектора Серебровского, участвовали студенты-технологи Коробко, Клобуков, Корсак и другие и несколько курсисток. Кружок ставил себе целью основательное изучение Карла Маркса и затратил на это несколько лет работы.

Изучение было поставлено очень серьезно и, в частности, С.М. Серебровским был составлен вопросник, содержавший около 200 вопросов, на которые должен был ответить каждый прочитавший Карла Маркса. Так же как и теперь, Карла Маркса почитали, но мало читали, и потому в большинстве случаев на эти вопросы ответов не получалось, и кандидат должен был начинать чтение сначала.

В то время в Петербурге существовал целый ряд кружков, из которых некоторые занимались вопросами политической экономии – наиболее распространенные кружки, другие – изучением первобытной культуры, Спенсера, П. Лаврова и других писателей. В 1891 году я уехал в Германию и два года изучал там марксистскую литературу, работая в то же время по технике.

В 1893 году я возобновил свои старые связи, и в 1894 году у меня в Петербурге, на Большой Охте, где я жил тогда, возник марксистский «салон», в котором принимали участие, кроме Владимира Ильича, еще А.Н. Потресов, Я.П. Коробко, П.Б. Струве, М. Туган-Барановский, С.М. Серебровский и другие. Из женщин в нем участвовали моя покойная жена, затем Надежда Константиновна Крупская и Ольга Константиновна Григорьева. Я не могу теперь после тридцати лет точно вспомнить, сколько раз бывал в этом кружке Владимир Ильич, но ярко помню, что в его присутствии происходили наиболее интересные диспуты на тему, тогда всех очень волновавшую, – о судьбах русского капитализма.

В частности, П. Струве и М. Туган-Барановский были исключительно литераторами, совершенно не знавшими рабочего класса. И я помню, что я их впервые свез на Путиловский завод, чтобы они воочию увидели капиталистическое предприятие в большом масштабе. Инженеры, в то время участвовавшие в кружке, конечно, близко соприкасались с рабочим классом. Некоторые из нас несколько лет перед этим вели занятия с отдельными наиболее выдающимися рабочими и разъясняли им, главным образом, учение Ф. Лассалья, т.к. К. Маркс считался слишком трудным.

Больших принципиальных расхождений в то время между участниками марксистского кружка, насколько я помню, не было, они только намечались. И собеседования, в общем, протекали в дружелюбной атмосфере, несмотря на чрезвычайно пылкие споры, обычные для романтического периода марксизма. <...>Эти собрания продолжались несколько месяцев и прекратились, кажется, в 1895 году, вследствие ареста некоторых участников собраний.

Диспуты велись преимущественно на почве применения теории Карла Маркса к объяснению русской действительности. Неизбежность развития капитализма в России в то время уже почти никем не оспаривалась. Но тогда уже ставился вопрос о том, должна ли Россия пройти все те стадии, которые прошел западноевропейский капитализм, и только после этого превратиться в свою противоположность – в социализм, или же Россия может миновать некоторые наиболее болезненные фазисы развития.

Таким образом, можно предположить, что после 1895-го «знаток марксизма» Роберт Классон постепенно отходил от одного марксизма и стал целиком отдаваться инженерной деятельности, которая и сделала его «персоной №1» в электротехнике (энергетике).

Мы здесь остановимся еще на таком важном моменте, как издание участниками марксистского «салона» знаменитого сборника «Материалов к характеристике нашего хозяйственного развития» (С.-Петербург, 1895). При большевиках он широко пропагандировался потому, что в него дал свой первый материал – «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В.И. Ульянов-Ленин (под псевдонимом «К. Тулин»). А Р.Э. Классон специально перевел для этого сборника статью немецкого социал-демократа Эдуарда Бернштейна «III том «Капитала». Правда в опубликованном виде не приводилось фамилии ни автора (а просто указывалось – «с немецкого»), ни переводчика.

Тогда последнее обстоятельство, по-видимому, совершенно не заботило участников «литературного труда», поскольку они прекрасно знали и друг друга, и зарубежных коллег, социал-демократов. А вот сейчас некоторые неопытные исследователи могут и растеряться – чье это произведение, «III том «Капитала», и кто перевел его на русский?

Поэтому сошлемся на несколько язвительные слова из письма А.Н. Потресова, опубликованного в том же №2 «Красной летописи»:

Классон был более зрителем и вскоре совсем выбыл из сферы общественно-политической жизни. В сборнике он дал перевод статьи Бернштейна о 3-м томе «Капитала» (это, кажется, его единственное литературное произведение).

Правда, сам Александр Николаевич дал в тот же сборник исследование по поводу «чего-то там в носу» – «Кризис в замочном промысле Павловского района Нижегородской области». В то же время Р.Э. Классон подготовил объемистый перевод (заметим, «без отрыва от производства»!) популярной статьи, комментирующей один из важнейших разделов экономической теории Карла Маркса – про капитал и капиталистов, прибыль и рентабельность, конкуренцию и эксплуатацию, производительность труда и тому подобные весьма актуальные понятия.

И Роберт Эдуардович иногда не мог отказать себе в удовольствии дать «примечание от себя». Так, переведя следующий пассаж: *“По поводу общественной экономии Маркс делает замечание о мелком земледелии, особенно интересное ввиду того, что именно теперь всякого рода социальные реформаторы провозглашают интенсивное мелкое земледелие социальной панацеей. <...>И он продолжает: «Конечно, и в мелком земледелии, приближающемся по типу к огородничеству, как, например, в Ломбардии, в южном Китае и в Японии, экономия может быть доведена до значительной степени. Но в общем при этой системе производительность земледелия покупается только ценой огромной напрасной траты рабочей силы человека, которая тем самым отвлекается из других отраслей производства”*, он сопроводил его ехидной сноской: *«К сведению гг. народников! (примечание переводчика)»*.

Работая потом на капиталистических предприятиях, Р.Э. Классон мог «весомо, грубо, зримо» соотносить детально изученные им теоретические положения с практикой «хищнической эксплуатации» наемного труда. Кое-какие его реплики на эту тему будут в дальнейшем нам встречаться (в «Бакинском дневнике», в разговорах с рабочими и т.д.).

В мае 1895-го Роберт побывал в Лозанне у своей родственницы А.А. фон Эрн-Мотовиловой. Почему-то каких-либо документов, по пересечению границы в связи с этой поездкой (на уже находившегося под негласным надзором с марта того же года!) в материалах Департамента полиции не имеется. Биохроника В.И. Ульянова-Ленина, в части его пребывания в то же время в Лозанне и визита к Мотовиловым, ссылается на воспоминания С.Н. Мотовиловой, опубликованные в 1963-м в «Новом мире».

Позволим предположить, что заграничная поездка Роберта была вызвана единственно необходимостью свести будущего «вождя мирового пролетариата» с Г.В. Плехановым (жившим, как мы уже знаем, в Морнэ под Женевой) – как раз через Алину Антоновну, периодически контактировавшую с Георгием Валентиновичем. Потому что, согласно тем же воспоминаниям С.Н. Мотовиловой, поправившуюся в Лозанне дочку Классонов Сонечку отвезла в Петербург как раз Алина Антоновна (по-видимому, ранее мая 1895-го), а не отец.

Установленный за Р.Э. Классоном негласный надзор иногда давал поводы Департаменту полиции интересоваться им. Летом 1896-го было заведено очередное полицейское расследование, на сей раз по поводу бурной деятельности С.-Петербургского революционного кружка «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Из письма Директора Департамента полиции С.Э. Зволянскому Начальнику С.-Петербургского жандармского управления становится известно, что «несмотря на произведенные в текущем году обыски и аресты лиц, занимавшихся преступною агитациею в рабочей среде, таковая непрерывно продолжалась, причем в Июле появились в обращении новые воззвания: «К рабочим фабрики Паля» (от 19 Июля), «К рабочим Варшавских железнодорожных мастерских» (от 25 Июля).

Наконец, 6 Августа появилось новое воззвание от имени «Союза борьбы за освобождение рабочих», изданное по поводу Правительственного сообщения о происходящих в С.Петербурге забастовках и мерах, принятых Правительством. Наблюдением удалось установить целый ряд лиц, как из интеллигентного класса, так и рабочих, которые за последнее время деятельно занимались преступною агитациею».

Последовавшие затем обыски позволили обнаружить у «ряда лиц из интеллигентного класса» массу преступных улик.

В частности, «у Помощника Присяжного Поверенного Константина Бауэра и студента Технологического Института Мовши Лурье. Так у Бауэра, в конторе присяжного поверенного Рабиновича, у которого первый был помощником, обнаружены, между прочим, гектограф и копировальный пресс, масса революционных изданий и в том числе воззвания [к рабочим] последнего времени, а также письмо за подписью «фон-Танкин»* конспиративного содержания, видимо писанное Мовшем Лурье.

<...>По результатам обысков и имевшимся сведениям арестовано 33 чел., которые и заключены под стражу в С.Петербургский Дом Предварительного Заключения».

Среди заключенных под стражу оказалась и Н.К. Крупская, которая еще со времен учебы Р.Э. Классона в Технологическом институте имела с ним регулярные контакты. Но на ее допросе 2 сентября эта тема не затрагивалась, по-видимому, жандармам было попросту не до того. Ведь им необходимо было незамедлительно расследовать преступную агитацию «интеллигентного класса» в рабочей среде и установить лиц, причастных к ней. В то же время вскоре представился повод опять взять Р.Э. Классона «в оперативную разработку».

Из секретного донесения от 17 августа С.Э. Зволянскому:

После обысков, произведенных в ночь на 12-е сего Августа в квартире присяжного поверенного Бауэра, было установлено наблюдение. 14-го Августа в квартиру явился известный Вашему Превосходительству инженер-технолог Роберт Классон. Вследствие сего Классон был подвергнут обыску как лично, так и по месту жительства (дом №26 по Панфиловой улице Охтенского [полицейского] участка). Так как обыски эти были безрезультатны, то помянутое лицо оставлено на свободе.

В этом письме, к сожалению, не сообщалось, как Р.Э. Классон объяснил обстоятельства своего визита к знакомому помощнику присяжного поверенного, уже арестованному. Но, скорее всего, он не растерялся и свел все к сугубо бытовой стороне, например: «пришел занять денег, или – принес старый долг». При допросе Константина Бауэра 17 августа его очевидное знакомство с Робертом Классоном затронуто не было, и последний и далее оставался на свободе, хотя и под негласным надзором полиции. И это можно определить сейчас как некое «чудо». Ведь все упомянутые лица (и многие другие, с которыми он общался) состояли под негласным или даже особым надзором полиции, арестовывались и ссылались.

* Этот псевдоним придуман, скорее всего, от речки Фонтанки, впадающей в Неву.

Поясним заодно, что сначала Роберт Эдуардович, приехав из Франкфурта, снял временную квартиру в центре Петербурга:

<...>Отделение по охранению общественной безопасности в С.Петербурге имеет честь сообщить 3-му Делопроизводству адреса следующих лиц:

– Инженер-технолог Роберт Классон проживает в доме №49 по Николаевской улице<...> (из письма в Департамент Полиции от 6 июля 1893 года).

И лишь нанявшись на Охтинские пороховые заводы устроился поближе к оним:

*Зовут меня Роберт Эдуардович Классон. От роду имею 25 лет, лютеранского вероисповедания. Звание мое Инженер-технолог, сын Коллежского Ассессора. Проживаю в С.Петербурге, Большая Охта, Панфилова ул., д. №26 (из протокола допроса Р.Э. Классона 5 ноября 1893 года).**

Кстати, от внимания Департамента полиции ускользнула такая немаловажная деталь, по которой Р.Э. Классона можно было опять взять «в оперативную разработку». В апреле 1898 года Охранное отделение агентурным путем раздобыло финансовый отчет «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с 1 апреля 1897 г. по 1 января 1898-го.

И в нем в разделе «Приход», в подразделе «1. В распоряжение Союза» имелись две весьма любопытные шифровки: «От Р.К. 28 руб. 76 коп.» и «Р.К. 24 руб.» Была такая же шифровка и в подразделе «2. Стаечный фонд», ст. а) пожертвования»: «Р.К. 10 руб. 55 коп.». Если за литерами Р.К. скрывался Роберт Классон, то он опять-таки сильно рисковал...

В январе 1897-го Департамент Полиции «уведомил Действительного Статского Советника Небол[ь]сина, на его запрос, что определение инженер-технолога Роберта Классона преподавателем по электротехнике на специальных курсах для рабочих представляется нежелательным» (ф. 102 ГАРФ). Понятно, что таковая нежелательность вытекала из его политической неблагонадежности. Александр Григорьевич Небольсин возглавлял IX отдел (Постоянная Комиссия по техническому образованию) ИРТО и был ответственным редактором журнала «Техническое образование».

Что касается «специальных курсов» для рабочих, то они были кратко описаны в очерке Марка Каменецкого «Инженер Классон» («Техника – молодежи», №7, 1936):

Р.Э. Классон прекрасно понимал, что для создания новой отрасли техники – электротехники, нужны грамотные люди. В ту пору их еще не было. Роберт Эдуардович принимает деятельное участие в воспитании таких кадров. В феврале 1896 г. он входит в состав комиссии по устройству школы для рабочих-электротехников при [Императорском] Русском техническом обществе. Через несколько месяцев школа была открыта. Она должна была подготовить «простых» рабочих к исполнению обязанностей старших рабочих-электротехников. Занятия в школе были два раза в неделю вечерами и в воскресенье днем. Принимались лица от 20-летнего возраста. Преподавателями были профессора и инженеры.

А в книге «Роберт Эдуардович Классон» (Госэнергоиздат, 1963) Марк Каменецкий продолжил эту тему:

В сентябре 1896 г. в Столярном переулке школа была открыта (она просуществовала до Октябрьской революции). В школу принимались юноши сначала с 14, потом с 20 лет, обучение было платным (50 копеек в месяц); преподавали в школе профессора и инженеры, в том числе члены учредительной комиссии (Р.Э. Классон, А.Л. Корольков, М.М. Курбанов, П.А. Михайлов, И.А. Рейхель).

* Название Панфиловой улицы ведется с конца XVIII века от фамилии старосты участка плотничьей слободы (она некогда находилась на Большой Охте). – *Из Интернета*

Курс обучения был рассчитан на два года (по 13 учебных часов в неделю); учебный план предусматривал занятия по арифметике, геометрии, техническому черчению, общей физике и курсу электричества, лабораторные занятия по практической электротехнике, посещение электростанций.

Школа стремилась «дать работающим на производствах и в учреждениях, преимущественно электротехнического характера, подготовку к исполнению обязанностей старших рабочих.

Марк Каменецкий ссылается при этом на «Извлечение из положения о школе рабочих-электротехников Русского технического общества, 1897», которое, к сожалению, отсутствует в РГБ. И считает «научно установленным фактом» преподавание Р.Э. Классона в этом заведении. Однако отрицательный отзыв Департамента полиции, скорее всего, не позволил Роберту Эдуардовичу, пусть и соучредителю школы рабочих-электротехников, преподавать в оной. С этим при царском режиме, как и при советской власти, было строго – неблагонадежных за версту не подпускали к образовательным учреждениям.

Автор сих очерков попробовал по имеющимся в РГБ изданиям ИРТО установить некоторые подробности функционирования школы, а заодно – возможные временные рамки преподавания Р.Э. Классона в оной, буде ему позволили бы это сделать власти. И вот какая информация была приведена в «Отчете о школах И.Р.Т.О. за 1896-1897 уч. год»:

Школа электротехников открыта для работающих в электротехнических мастерских и заводах с целью приготовить знающих свое дело старших рабочих по наиболее употребительным отраслям применения электричества. Из 47 человек, записавшихся и до известной степени удовлетворявших условиям приема на открывшийся 1-го октября 1896 года первый курс, до конца учебного года [– 1 июня] доходило до 30 человек, из которых 28 успешно выдержали проверочный экзамен для перехода во второй класс.

Занятия в первом классе распределялись по следующему плану

1) Арифметика и геометрия	4 часа в неделю
2) Электричество и общая физика	5 часов в неделю
3) Электротехника	2 часа в неделю
4) Техническое черчение	2 часа в неделю
Всего	13 часов в неделю

Кроме того, ученики шесть раз были на практических занятиях на электрической станции. Возраст учеников был разнообразен: от 17 до 38 лет; но большинство, а именно $\frac{3}{4}$ всех учащихся, было в возрасте от 22 до 30 лет. Средний возраст – 26 лет.

Итак, Р.Э. Классон мог бы преподавать в школе рабочих-электротехников лишь в 1896-97 учебном году, поскольку, как мы увидим далее, в августе 1897-го он был переведен в Москву. Но его не допустил к преподаванию Департамент полиции. Так что эта, педагогическая стезя была одной из немногих в творческих направлениях, которую так и не удалось, похоже, реализовать (по крайней мере, при царизме) весьма даровитому Роберту Эдуардовичу...

И еще один штрих, характеризующий его. С.Н. Мотовилова вспоминала: «Обычно за своих друзей экзамены по языкам сдавал Роберт Эдуардович и даже, когда уже окончил институт, он надевал куртку технолога и ходил сдавать за друзей». По-видимому, последнее случалось уже после возвращения четы Классонов из Франкфурта в Петербург.

В феврале 1897 г. по казенным Охтинским пороховым заводам был издан приказ об увольнении состоявшего на службе по вольному найму инженер-технолога Р.Э. Классона, согласно его рапорту. Благодарные сослуживцы преподнесли ему настольный блокнот с серебряной крышкой, на лицевой ее стороне было выгравировано посвящение, а на оборотной – подписи бывших коллег.

Сейчас этот раритет хранится в Музее современной истории и был доступен для обозрения, например, в конце 2010-го – начале 2011-го на выставке, посвященной 90-летию со дня принятия плана ГОЭЛРО.

*Настольный блокнот с серебряной крышкой,
преподнесенный Р.Э. Классону при уходе с Охтинских пороховых*

Разворот блокнота, с автографами благодарных сослуживцев

С февраля до августа 1897-го, поступив уже в частное, акционерное «Общество электрического освещения 1886 г.», Р.Э. Классон работал над проектированием новой электростанции (с трехфазным током!) на Обводном канале, а затем его перевели в Москву. Об обстоятельствах такого «пассажа» со стороны Роберта Эдуардовича (увольнения с казенного и перехода в частное предприятие) мы расскажем в следующем очерке.